

ТАТЬЯНА ИВАНЬКО

18+

18+

БАЙКАЛ

" — Это мне очень нравится, Аля, что ты считаешь себя сумасшедшей!
- веселясь, рассмеялся Дьявол.
- Это от ума и образованности, это я люблю больше всего. Не верь ничему - это мои лучшие силки, которыми я ловлю ваши душонки. Неверящие и пустые - вы первые моя добыча.

Он захохотал опять.

— Где пустота в сердцах, там - Я! - радостно провозгласил Сатана."

Калуга, 2020

Татьяна Вячеславовна Иванько

Байкал

Серия «Байкал», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55308321

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95428-1

Аннотация

Древность далека и близка, время течёт по-разному. Кто сказал, что существование древних Богов невозможно и ныне? Вечная мечта каждого – жить вечно, есть те, кто расскажет, каково это.

В центре повествования люди обыкновенные и наделённые редкими способностями. Два брата, царевич и беззащитная дочь мельника. Каждый по-своему велик и мелок, каждого манит золото и власть над людьми. Сам Сатана является соблазнять их. И как быть? Остаться отшельником или открыть сердце любви? Кому-то собственное злодейство откроет глаза и оживит душу. А что заставит поверить в свои силы наследника трона и девушку, проданную и преданную несколько раз? Каждому придётся открыть множество тайн и загадок, обойти хитро расставленные капканы, чтобы не погибнуть. Или просто научиться жить.

Героям предстоят борьба за власть и любовь, попутно и с собственными слабостями, злобой и ленью, неожиданные

повороты и коварство ближних. Предательство и преданность.
Ненависть и любовь. Кровь, огонь и новая жизнь.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Передача	5
Глава 2. Под покровом ночи	25
Глава 3. Сила гнева	45
Глава 4. Нежеланный дар	60
Глава 5. Эрбин и зло	89
Глава 6. Отверз очи	97
Глава 7. Молодой	115
Часть 2	122
Глава 1. Марей	122
Глава 2. Бесценная девочка	138
Глава 3. Переход	154
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Татьяна Иванько

Байкал

Часть 1

Глава 1. Передача

– Собак! Собак по следу пустить! – услышала я за спиной, и моё сердце затрепетало от ужаса, обнаружили! И как быстро...

– Разорвать дурную стерву!

– Мне руку прокусила!

– А мне плечо!

– Псы-то в куски порвут, нам тогда што?!..

Визгливые голоса, голоса шакалов, даже не псов... Он думает они псы, нет, Сил, они и тебя так же, только дай слаби-ну, тебе самому их беречься надо...

– В сугон!!!

Как орут! Сами разорвали бы, да не достать вам... Не достать! Уже не дамся! Боги, помогите! Не дамся, не дамся, нет!..

Я бежала со всех ног, как не бегала ещё никогда. И никогда мне не было так страшно, как сейчас. Потому что я зна-

ла, что те, кто гонится за мной, непременно меня убьют. Но хуже – вначале они дотерзают меня. И я быстрее умру от их издевательств, чем от их ножей...

Я вынесла уже столько, что больше не выдержит ни тело моё, ни душа. За время, прошедшее от вчерашнего рассвета до сегодняшнего заката, я испытала столько ужаса, унижения, столько срама и боли, что хватило бы затопить тьмой души всех людей по ту и эту сторону на Север и на полдень Великого Моря, нашего бога – Байкала.

Но самое страшное было даже не в том, что сделали со мной, с моим телом, эти мерзостные упыри, и сам их предводитель, Сил Ветровей, всё, что они творили – ничто по сравнению с тем, что он сказал мне перед тем и одними лишь словами своими дотла выжег мне сердце и душу, остальное стало лишь орудием пыток, а не самой пыткой.

– Что глядишь, Аяя, изумлённо? – начал он с усмешкой, от которой у меня мороз побежал по коже. Его жуткие огромные очи, как лёд среди зимы над бездной нашего Великого Байкала и такие же пугающие, пронзили, и будто проникли в моё сердце, вымораживая всю меня изнутри.

Он всё время так смотрел на меня. Все эти годы, я старалась не попадать ему на глаза, потому что мне казалось, что это не взгляд, а пики, которыми он пытается пронзить меня, проколоть, проникнуть и убить. И вот он поймал меня и низал на них теперь:

– Марей подарил тебя мне, – сказал Сил и это уж не просто

пики, это зазубренные отравленные жала.

Я замерла, всё это слишком похоже на кошмар... А он продолжил между тем:

– Царевич не верит тебе больше... А меня улестить надеется подарком таким щедрым, он малый о-очень зоркий, ведает, в чьих руках сила днесь. Я толковал тебе, что он продельывал такое... – он не ухмыльнулся, он захохотал и будто гром с неба проник под душные низкие своды этой тёмной горницы...

Как удар наотмашь его слова. Я оглохла и ослепла от его уверенного смеха, окаменела, парализованная, и ослабла, отравленная влитым в мои уши едким ядом, и этот человек с его пугающими чёрно-синими глазами теперь смог сделать, чего ему, оказывается, хотелось уже давно... Только теперь я со всей ясностью и неожиданностью поняла, что именно горело в его ужасных глазах. До сих пор я не знала, вернее, я не могла подумать, что Сил может желать такого, ведь он женат на необыкновенной красавице и все дворовые и дворцовые женщины бажали его, считая красавцем и не давая отказа ни в чём, на что ему я? Я знала, что он ненавидит меня и хотел бы уничтожить, но лишь как часть Маррея-царевича, а, чтобы такое...

Сил Ветровой – самый значительный и точно самый богатый вельможа в нашем Авгалле – царстве, на этом берегу Великого Байкала, где Солнце, вынырнув из прозрачных его вод, приходит, чтобы спрятаться на ночь за горы. И я всё

время думала, что, должно быть, те, что живут в Урвилле – на противоположном берегу Великого Моря думают, что Солнце тонет в его водах на ночь...

И сейчас я усилием воли заставляла себя думать о Солнце и Море. Я думала и думала только об этом, ожидая и надеясь, что, вынырнув, умытое ясное Солнце, оторвёт от меня этого голодного зверя, который будто хотел лишить меня жизни тем, что он творил надо мной, как оно отрывает упырей и оборотней от их жертв...

А душа моя словно отделилась на это время и, задыхаясь от боли, рвалась к царевичу Марею, увидеть его ещё раз, увидеть, заглянуть в его глаза и спросить: как же ты мог такое удумать со мной? Ведь ты каждый день молвил, как ты любишь меня? И мне верилось, что это так. Я знала, каков ты, что думают о тебе другие: все считали тебя вздорным и опасным, высокомерным и самолюбивым капризником, временами и лицемерным, и лживым, если того требовали твои цели, но со мной ты никогда таким не был. Ко мне ты был всегда развёрнут, может, всего лишь одной гранью своей личности, но самой светлой, самой лучшей и самой настоящей. Мне думается, что, таким как я, тебя не знал никто. Так и было. Я это чувствовала. Теплом и светом заполняла твоя любовь. Все воды мои наполнились тобою... Ведь так, Марешка? А твои? Неужто всё была ложь? Обманка? Липовая игрушка? Как куклой подделывают дитя, играя в дочки-матери... И я не поняла, что ты только играешь? Ужели ты лгал,

и я не ощутила холода твоей лжи? Как это могло быть, если я предугадывала все твои слова, я как свои ощущала твои мысли и знала, что ты чувствуешь, даже не глядя на тебя?..

Но после того, что произошло недавно, то, что мы потеряли... Ты был так огорчён, так разочарован. Но, Марейушка, разве была в том моя вина? И ты не винил меня. Или я так ослепла от любви к тебе, что не поняла, что твоя любовь угасла? Ведь потеря уви нашего, нерождённого – это было наше общее. И счастье наше, и горе... И мы пережили его. Вместе.

Так ты, мой молодой месяц, тогда ты охладел сердцем? Но разве сердце может охладеть?.. Как легко ты увлекался своими мыслями, большими и мимолётными желаниями, искорки от которых так и сверкали в твоих глазах, как ты, подобно ветру, кружился за любимыми юбками, мелькающими вокруг тебя, что...

Что я поверила Силу Ветровею... Я поверила его словам, и он победил.

И вот Солнце ушло за острые горные грани и снова наступила ночь, наконец, Ветровею оказалось достаточно того, что он сделал за эти долгие два дня и ночь. Поднявшись от меня, всё ещё прожигая своим мертвящим взором, медленно оделся, натягивая штаны, ловко перекинул завязки на талии, спрятав, наконец, своё неутомимое злое оружие, пронзавшее меня столько раз, что сейчас я едва смогла пошевелиться, чтобы хотя бы прикрыться каким-то тряпьем, скомканным

под моей спиной, испытывая боль при каждом движении. Но и это уже было хорошо, и это уже было облегчение, почти счастье – всё прекратилось... А Сил надел рубашку, скрыв мощное тело, поросшее по груди и животу и даже по спине, светловатыми волосами, что делало его ещё более похожим на зверя, и просунул руки в рукава богато расшитого кафтана и ухмыльнулся. А потом крикнул, подняв драгоценный пояс с пола, и завязывая его мудрёными узлами:

– Жаба, Ловкач, Трик, Мокшен! – это имена его приближённых, его преданных собак, готовых на всё, чтобы только хозяин позволил им слизывать объедки со своих блюд. Они всегда таскались за ним, как за каждым вельможей всё время ходят такие прилипалы и подбирают крошки с его стола. Они не рабы и не слуги, это сыновья разных, и даже богатых семей, но не имеющих такого влияния, как приближённые вельможи при троне нашего царя Галтея, отца Марeya... Но так заведено повсеместно, и на этом, и на том берегах Великого Байкала, это я успела понять с тех пор, как мой брат Тинган продал меня Марeyю...

Тинган... Как довольно ты улыбался, когда меня увозили из родительского дома на третий день после смерти матушки. Я называла так нашу мачеху, потому что она мне и была настоящей матерью, а вот ты не мог простить мне смерти нашей родной матери, которая умерла, рожая меня. Ты был старшим, я младшей, между нами было ещё пять человек сестёр и братьев. Матушка Орея была добра и терпелива, она

любила всех детей, не отличая нас от родных, только ты не хотел и не принимал её доброты. Она родила отцу ещё двух дочек и двух сыновей. Ты рос в доме отца с нашими братьями и сёстрами, я не различала, ты различал. И чем больше любила и жалела нас всех матушка Орея, тем сильнее отвергал и ненавидел её ты, стараясь дерзить и досаждать всячески. Мог жениться давно, жить своим домом, но не спешил, отец предлагал сосватать то одну невесту, то другую, но никто не любился нашему Тингану. И ватажиться ты старался с городскими, пытался пристроиться в терем к боярину какому, а лучше всего во дворец.

Нас, детей, было много, одиннадцать человек. Старшие, что за Тинганом сёстры, уже невестились, двоих сосватали весной, да не судьба знать... К тому дню, когда я уезжала из дома, остались только я и ты. Все умерли от болезни, пришедшей из далёких полуденных пустынь, так быстро, что мы не успевали хоронить их. Кто и как завёз её к нам на мельницу, стоявшую на отшибе села, кто теперь ведаёт, в день много телег проходило, особенно об эту раннюю осеннюю пору. Отец умер первым, а за ним, как Смертушка взялась косою махать, и всех братишек и сестёр, и матушку Орею прибрала, на том и остановилась. В несколько дней опустели, осиротели мы, как и другие семьи в нашем Авгалле.

Тогда и заговорили о Галалии и Сингайле, кудесниках, баальниках али шаманах, я никогда так и не понимала толком, сколь ни слышала про них всё детство, кроме одного – они

всесильные лекари. При том мне казалось, что их в действительности не существует. Что они лишь прекрасная былина, вроде, как и великие наши предки Арий и Эрбин, что тысячу лет назад положили начало царским и прочим родам и по эту и ту стороны Великого моря. Люди всегда хотят верить, что есть какой-то всесильный избавитель, он же отец всего сущего, который придёт на помощь, если попросить от души.

Я не верила в чудесных лекарей, однако знала, как и все, далеко, в горных лесах были места, куда никто не ходил, потому что не дойти, да и считалось, что Галалий Огонь живёт именно там, и даже к границам его владений невидимым, но крепким приблизиться не может ни человек, ни зверь, не то, что пересечь их, бродить будет, блуждая и кружа, и возвращаясь ни с чем. Потому что невидимы и неосятими они, но непреодолимы. А ежели кому и удастся это, то войти в дом волшебника он всё равно не сможет, это как перейти Реку Забвения – назад дороги нет. То же и даже с ещё более пугающими подробностями рассказывали и о брате Галалия, Сингайле Льде. Тот и вовсе мог избавить от любого недуга, и даже, говорят, вернуть с той стороны Завесы. Но к Сингайлу Льду обращались и вовсе в исключительных случаях, ежели царь занедужит, али необычайная какая-нибудь хворь в народе приключится, очень много золота брал за свою помощь Сингайл Лёд, собрать столько могли разве что цари, али несколько сёл вместе. Галалий же золота не брал.

Вот, к этим самым границам Галалиевых владений в

условленное место с вельми странными дарами и направились в те чёрные дни обуявшего людей мора несколько самых именитых человек. Они не видели там никого и ничего, оставили несколько тюков тканей, бочонков вина, сваренного из наших белых и красных роз и жёлтых весенних цветов с обманчивыми соцветиями, что превращаются из жёлтых цыплячьих цветков в пушистые белёсые шарики и зовутся одуванчиками, потому что ветер может легко обнажить их маленькие круглые головки и на том кончается их краткая жизнь, вино же из них получается душистое, вкусное и совсем лёгкое... Но самым странным из даров были летописи, что ведутся в Авгалле спокон веков, с описанием всех событий, именами людей, царей и придворных...

Я не знаю, сущий ли человек Галалий Огонь, каков он, али некий дух явился и помог, но мор прекратился. Люди перестали умирать, потому что лекари и их помощники в одну ночь узнали, что и как надо сделать с больными и здоровыми, как отделить одних от других, чем потчевать заболевших, чтобы они выздоровели. Через неделю не было уже ни одного нового больного, и никто больше не умер. Так что верить или нет в сказки о Галалии, я не знала, но люди сложили красивую песню о нём. Но в этой песне говорилось и о вечном враге Галалия – о Сингайле Льеде...

Ой ты гой еси, Галилий, свет Огонь ясный, добрый молодец!

Сокол Соколович, Орёл Орлович!

Пусть сердце доброе добром и богатеет,

Пусть душа ясная светом лучится, не иссякнет животворной силы свет!

И Сингайл Лёд, брат прясный, друг и враг предвечный!

Не серчай на слабых, не карай сирых!

Светить вама, как Луна и Солнце в веки и на радость и благополучие!

Аки братие и други абие и во веки вечные!

Нам на радости земле в успокоение!

Я расспрашивала и раньше всех, кого только могла о Галалии и Сингайле, почему их прозывают молодцами, хотя по моему разумению, они должны быть древними старцами давным-давно. Я расспрашивала об этом, как и о том, как это Солнце каждый день выныривает из Великого моря, почему море выпускает его? Почему Солнце не блуждает после того, как падает за скалы, ежели там никто не может найти дорогу? Почему на нашем берегу теплее, и ветры добрее, чем на восточном? Почему на восточном берегу одни звери, а у нас другие? Почему есть узкоглазые черноволосые люди, а другие белоголовые? Почему одни кудрявые, а иных волосы как горное стекло? И у одних мягкие кудри, а у иных тяжёлые, как смола? Почему веснушки у одних есть, у других – нет. Почему в мор одни помирают, а другие остаются? Почему один стар в пятьдесят лет, а иной и в семьдесят молодо глядит, и жениться может. Почему птицы в ближних лесах и на берегу зимой одни, а летом другие? Почему звёзды на

небе поворачиваются каждый месяц, кто их крутит там? Мне отвечали, пытались рассказывать, кто что разумел, но чаще злились и сходились на одно:

– Ни к чему девчонке быть такой любопытной!

– Умствовать будешь, мужа не сыщешь!

– Да сыщет, только он быстро енту дурь-то из башки вытрясет, хорошо, ежли плёткой, не то кулаками. Мужики они этаких не любят.

– До добра твое любознательство не доведёт ни тебя, ни того, кто станет потакать и удовлетворять его.

И всё же я не унималась:

– Получается Галалий добрый, а Сингайл – злой? – продолжала я свои расспросы.

– Вот противная егоза, поскорее бы Тинган выдал тебя замуж! Нет токмо белых и токмо чёрных, токмо добрых и токмо злых. Они и братья, и враги друг другу, но не нам, но ежли они воюют плохо всем...

– Кому это всем? – вспыхивала я новым вопросом, как и всегда за ответом открывая для себя ещё больше загадок.

– Всем. И людям, и скоту, и зверям и рыбам и птицам.

– Как это? Двое воюют, а плохо всем? Разве у них есть войско? – опять спрашивала я.

– Земля встаёт на дыбы, как злой конь, когда воюют Галалий и Сингайл! Воды Великого Моря выходят из берегов, оборотятся в страшных драконов, и пожирают прибрежные города и сёла... Меркнут Луна и Солнце, и гул, и вой идёт по

всей земле, пугая людей и зверьё, расступается земля, выпуская страшные испарения, отравляя воду и воздух... Пламя, вырываясь из-под земли, пожирает всё и... И всё, отстань!

Приходилось отстать, чтобы не получить подзатыльник, но вопросов в моей голове не уменьшалось, напротив, они только множились. И где мне было искать ответы? Удивительным образом мне помогло то, что проданная в царский терем, я получила кроме всего прочего, возможность учиться...

Но сейчас я бежала, надеясь умереть от разрыва сердца или того, что там осталось после предательства Марeya, раньше, чем меня догонят смердящие низкие подонки – приспешники Сила. Что он сказал им, уходя?

– Зорко стеречь! Смотрите! До завтрашней ночи не трогать, в мале передумаю, приду, а нет – ваша будет. Делайте, что похотите, после убейте и выбросьте в реку, пусть будет жертвой Великому Морю, задобрить Байкала никогда не лишнее...

Так что я знала, от чего спасалась. И сейчас я бежала, не разбирая дороги, не думая, куда бегу и что в лесу меня могут сожрать звери, но лучше звери, чем на растерзание отвратительным лизоблюдам... Кажется, сердце сейчас лопнет... Лопни, сердце, но тут на воле!..

Сегодня ясная безлунная ночь, самое лучшее время для наблюдений за звёздами, чему я стараюсь уделять все подобные ночи. Я – Галалий, тот самый, о котором ходят все эти

удивительные и странные легенды, большая часть из которых правда, как странно это не покажется. Но и вымысла много, хотя бы в том, что границы моих владений не может преодолеть ни один человек, это чистой воды вымысел, просто живу я так высоко в скалах, окружённый лесом со всех сторон, что подобраться к моему жилищу никто не может из людей. Да и найти его любому человеку непросто.

А вот, чтобы войти на мой двор, это верно – войти никто не может. Во-первых: мой дом и весь двор, невидим для людей и для зверья даже, во-вторых: магические защиты, оберегающие его, тут же убьют любого, кто попытался бы подняться на моё крыльцо, даже перейти границу двора с её почти прозрачной изгородью из ряда длинных слег, попарно уложенных на невысокие рогатки. Я это сделал три сотни лет назад, чтобы незваные гости, в особенности посланцы моего драгоценного брата Сингайла не могли приблизиться ко мне тайно. Так что, да, кто войдёт – умрёт. Вернее, кто попытается войти.

Поэтому здесь, в моём уединении мне никто не мешал. Звери тоже обходила стороной мой двор, обтекая, как вода валуны, так что хищников я не боялся. Я жил здесь уединённо и спокойно, превращаясь в предание, в которое уже не все верили. Это при том, что тем более никто не знал и не догадывался, что Галалий и Сингайл – это те самые Арий и Эрбин, родоначальники едва ли не всех живущих по берегам Благословенного Великого Моря Байкала.

Именно так, я и мой брат родились не просто тысячу, а тысячу шестнадцать лет назад. Мы – сыновья царя Кассиана и царицы Аванты, царевичи, избранники судьбы, близнецы, ни в чём не похожие между собой. И всю жизнь мы вместе и всю жизнь порознь. С раннего детства мы очень дружили. Не разлей вода, как говорят. Все игры, забавы и задумки, мы воплощали вместе. Я всегда был живее и легче, но прощедушнее и, если я и придумывал почти все забавы, Эрбин старался в них верховодить. Меня это нисколько не задевало, мы ладили всё равно, хотя нередко наши приятели считали, что всё придумывает Эрбин, а я не возражал, главное, чтобы игра ладилась.

И никогда не был ревнив, меня друзья любили просто так, хотя я и не нуждался в этом, отношение людей ко мне было не очень важно, а Эрбина временами побаивались, зная мстительный характер. Я не мстил никогда и был в этом смысле абсолютно безобиден, возможно, именно из-за лёгкости и равнодушия. А вот Эрбин не спускал даже самой мелкой обиды или сомнения в своих достоинствах. Его достоинства не уступали моим нисколько, но если я был уверен и спокоен на этот счёт, не собираясь никому доказывать, что я лучше его, то Эрбину всё время хотелось показать, что он ловчее, умнее, остроумнее, быстрее, зорче меня. И чем старше мы становились, тем сильнее становилось это напряжение между нами.

И вот в летний жаркий день, на самой вершине лета наша

бабушка Вералга призвала нас к себе. Она слыла волшебницей, всемогущей и мудрой, мы с Эриком очень любили её и были близки с ней намного больше, чем с родителями. Она учила нас всему, что знала сама, она зорко и ревностно следила за тем, чтобы наши учителя научили нас, чем она сама не владела – военному делу, борьбе, стрельбе из лука, метанию копий, владению мечом, ножом, пикой, топором, дубиной, пращей и палицей, словом, всем придуманным до сих пор оружием. И наукам, что процветали в нашем царстве, которое тогда покрывало собой все земли вокруг Великого Моря.

Наше Великое царство и называлось Байкал, как и Великое море. Наш отец и наша мать вместе руководили им, восседая на двойном золотом троне во дворце на огромном острове, где в те времена была наша великолепная столица, самый красивый город, какой только может построить человек. Вообразите, обычный человек, но обладающий силой, способной передвигать громадные куски скал, шлифовать их так, что они могли поспорить с гладью нашего Моря в безветренную погоду, устанавливая друг на друга таким образом, что даже сотрясения земли, происходившие временами, не могли повредить нашим постройкам. Таким образом, была построена не только столица, но и другие города нашего Байкала. Идеально выглаженные камни, ровные улицы и величественные дворцы, под высокими сводами которых, наполненных воздухом и светом, мы и росли, до сих пор в вос-

поминаниях восхищают меня. Разумеется, не все обладали такими силами, конечно, этому учили способных обладателей этого дара и силы, отбирая с детства. Но таких одарённых зодчих было немало в нашем великом народе в те времена.

На их фоне мы с Эриком росли совершенно обычными мальчишками. Поэтому я так сильно удивился, когда бабушка Вералга призвала нас в свой дворец и встретила не как обычно в уютном зале, где угощала сваренными в меду ягодами и орехами, сливками, медовым молоком, цветочными напитками шипучими и простыми, терпкими и лёгкими. Нет, сегодня мы вошли в большой зал, высотой во все три этажа её дворца, а каждый этаж был пятнадцати локтей высотой, здесь же свет проникал с потолка, через отверстие, оказывается, имевшееся в крыше, то есть лился прямо с неба, отражаясь от отполированных стен так, что казалось лучи, перекрещиваясь, усиливаются, удваиваются и расщепляются, становясь похожими на переплетение странного кружева, сплетённого под правильными углами. Подняв голову вверх, я подумал, что если Солнце поднимется в зенит, встанет прямо над нашими головами, оно зальёт светом этот зал и нас в нём, утопив, как в воде...

– Так, Арий, мальчик, именно так, – услышал я мягкий, и даже улыбающийся голос бабушки и, вздрогнув от неожиданности, что она прочитала мои мысли, обернулся.

Она хитро усмехалась, глядя на меня молодыми глазами, пронзительными, чёрно-синими. Эрбин, не понимая, что

она прочитала мои мысли, захлопал пушистыми ресницами, приоткрыв рот. А потом вопросительно взглянул на меня. Но я не ответил ему взглядом, как делал обычно, я смотрел на бабушку.

Она же, высокая и гибкая, будто ей тридцать, или даже двадцать пять лет, а не примерно шестьдесят, обошла нас кругом, шелестя платьем, ползущим за ней широкой каймой, золотом затканное по подолу.

– Нет, даже не шестьдесят лет мне, Арий, и даже не шестьсот. Мне много-много больше. Я родилась так давно, что... на пятнадцати сотнях перестала вести подсчёты.

Вот теперь мы с Эриком переглянулись, он говорил после, что он вовсе не был напуган, но я дурака не валял, я сказал, как есть, вернее, как было, я испугался. И не смерти, об этом ведь речи не шло, нет-нет, я испугался ответственности, которую кудесница Вералга намеревалась обрушить на нас.

– Вы станете бессмертными, – негромко и совсем без надлежащего трепета, сказала Вералга с лёгкой и спокойной улыбкой глядя на нас, продолжая обходить кругом. – Вас можно будет убить, но сами вы, ваши тела станут бессмертны, замерев в расцвете. Вы сможете научиться всему и проникнуть в любые глубины бытия, потому что возможности ваши безграничны. От вас двоих пойдут два самых сильных и удачливых рода от океана до океана, и, если они, как и вы станут жить в мире и согласии, никогда землю не потрясут войны и рознь, люди будут благоденствовать во веки веков и

планета наша станет цветущим райским садом!

Она выдохнула и, снизив голос, продолжила:

– Но если вы или ваши потомки, во власти зависти или по недомыслию позволите вспыхнуть вражде, она не утихнет во веки веков, ненавистью и отторжением войдёт в кровь и плоть, отталкивая друг от друга вчерашних братьев, продолжаясь чередой вечных войн навсегда, наматывая витки спирали всё туже и круче, и отбрасывая назад...

Это прозвучало как-то ещё более пугающе, и мы с братом только плотнее сжали наши сцепленные ладони.

А Вералга продолжала:

– Потому берегите близость и дружбу, чтите друг в друге отца и мать своих, что дали вам двоим жизнь. Если один из вас, во власти слепоты и злобы убьёт второго, тут же падёт и сам, ибо вы суть одно, в одну ночь были зачаты, в один день рождены, помните это вечно! Вам нечего делить, вдвоём вы сможете то, чего никто никогда не мог.

Вералга снова замолчала, опять обошла вокруг нас, и остановилась перед нами, глядя попеременно то на одного, то на другого.

– Через тысячу лет придёт третий человек, равный вам двоим по Силе, за которого вы сразитесь, чтобы перетянуть его на свою сторону или чтобы убить. Либо он поведёт за собой вас обоих к новым горизонтам, может быть и мирам... – продолжила она. – Помните, дети, сильнее вас нет никого в этом мире, во вражде поражение и гибель, в мире и содей-

ствии – процветание и счастье всей земли... А теперь отдайте.

Она протянула нам большой золотой кубок, с вделанными в обод алыми лалами, полный густого красного вина. Но вино то оказалось...

– То кровь моя, – улыбнулась на нашу догадку Вералга, магическим ключом она отверзнет вас...

Едва она закончила говорить, нестерпимый свет вдруг влился в зал сверху, как раскалённый металл в форму, затопил, ослепил и, ударив в лицо, в глаза и плотной волной во всё тело, будто растворил в себе... я перестал видеть, а затем и чувствовать...

Я очнулся в нашей с Эрбином горнице, медленно приходя в себя, будто выныривая из-под воды, из тёмной глубины, словно пытался добраться до дна Великого моря, и услышал медленный траурный бой колоколов на сигнальных башнях нашего города, так бьют, если приходит мор или иная беда, так бьют, если умирает царь... При нашей жизни цари не умирали, наш дед умер задолго до нашего рождения...

Мне стало страшно, что мы осиротели в свои тринадцать лет, что мы станем царями прямо сейчас, когда мы даже вырасти не успели. В страхе я подскочил на ложе, открывая глаза и первое, что я увидел – это мой брат, лежащий навзничь в распахнутой на груди рубашке на своём ложе, стоящем через проход от моего.

– Эрик! Эрик! – проговорил я, призывая брата, который

спал как-то чересчур глубоко.

Я поднялся, чувствуя слабость во всём теле и тяжесть в ногах, споткнулся и упал, загрохотав по полу коленями. Эрбин очнулся, не понимая, чего это я барахтаюсь по полу под протяжный вой колоколов, захлопал глазами, садясь на постели:

– Арик... Ты чего это... на полу? – глухо проговорил он. – И... что за... звон такой?

Он посмотрел на окно, забранное красивым волнистым стеклом, как и во всех дворцах Байкала, будто надеясь увидеть там ответы на свои вопросы.

– Кто... умер, Арик? – вмиг осипнув, проговорил Эрбин, бледнея.

Я только открыл рот, сказать, что я сам не знаю, как распахнулась дверь, вошла наша мать. Мне стало ещё страшнее, мать не имела обыкновения приходить в нашу горницу, а тут вошла бледная и сосредоточенная и уже в полном облачении парадного платья, чёрного, строго расшитого серебром. Только короны и покрывала ещё нет на челе...

– Эрбин, Арий, одевайтесь, бабушка ваша... – её голос дрогнул, будто она испугалась слов, которые намеревалась произнести. – Вералга умерла.

Мы с Эриком посмотрели друг на друга. Мне казалось, что я видел удивительный сон, но выходит, всё было явью... По лицу моего брата я прочитал, что и он думал о том же.

Глава 2. Под покровом ночи

Похороны бабушки Вералги, которая вовсе не была нашей бабушкой, были грандиозны. Весь Байкал, великое царство, замер на несколько дней в печальном оцепенении. Плач и стенания неподдельные, не купленные как у наёмных плакальщиц, заполнили столицу. Чёрные полотнища траурных стягов опустились на город, как низкие тучи, заполняя улицы тьмой. Эрик стоял у окна, утром дня, когда мы должны были идти со всеми на прощальную церемонию и тризну по Вералге.

– Как думаешь, Ар, по нам с тобой будут так же плакать? – вполголоса спросил он, склоняясь ко мне.

– Как я понял, мы нескоро это узнаем, – сказал я.

Он обернулся, изумлённо глядя не меня:

– Так... это... не сон был? Ар, ты что? Ты тоже помнишь, что бабушка сказала нам? Свет и...

– А ты решил – сон?

– Поэтому она и умерла... – проговорил Эрик, догадываясь. Он отошёл от окна и сел на лавку, опять посмотрел на меня.

– Нам передала, как корону передают... Отпустили её, стало быть

– А ты сразу знал, что это не сон был, значит?

Я покачал головой:

– Нет, конечно.

Но Эрик недоверчиво посмотрел на меня, покачав головой. Но тут нас позвали присоединиться к траурной процессии вслед за отцом и матерью. Только через несколько дней мы узнали, что, оказывается, прогостили у Вералги три дня и три ночи и только на четвёртую нас привезли домой. И как мы могли незаметно проспаться трое суток?!

– Ну ... как... – усмехнулся Эрик. – А остальное как?..

Мне казалось, что он всё же не очень-то верил во всё, что произошло там, у Вералги и считал всё это каким-то странным наваждением.

Памятуя Вералгины слова, я с того дня прилагал все усилия, чтобы не ссориться с моим братом, он же, напротив, стал ревнивее и задиристее, будто нарочно испытывая моё терпение, взялся нарываться на ссоры. Но я крепился, прощая его за мелкие обиды, подначки, постоянные попытки сколотить против меня какие-то заговоры с нашими общими друзьями. Не всегда это было легко и, думаю, я быстрее повзрослел именно в это время, стараясь бороться с собственной вспыльчивостью и желанием врезать моему братцу. Мне даже стало казаться скоро, что я старше него на несколько лет, потому что он вёл себя как глупый щенок-задира, а я держался взрослым псом, снисходительно вззирающим на его глупости. Но это, похоже, стало оказывать противоположное действие, вместо того чтобы вспомнить, что говорила Вералга, и не расходиться, а сблизиться больше прежде-

го, Эрик, словно испытывал меня на прочность, будто прощупывал границы дозволенного, до какого момента я стану терпеть. И что сделаю, когда моё терпение иссякнет. В этом оказалась его глупая стратегия. Он так изучал меня, мой характер и глубину моих сил. Мне не надо было изучать его, я его знал и чувствовал всегда, с младенческих лет, и всегда лишь хотел, чтобы он любил меня.

Но Эрика начала разжигать зависть даже в мелочах. Мы всему учились едино, и рядом с нами наши сверстники, наши товарищи, успехи у всех нас были примерно равные, но, если я обладал счастливой способностью всё схватывать на лету, любые слова, всё, что хотели вложить в нас наши наставники, то Эрику приходилось тратить много времени и усилий, чтобы понять, уложить в своей голове и запомнить то, что я видел в своей голове целостной картиной ещё во время урока. Он видел, что я не сижу над книгами, как он, чтобы выучить то, что я уже запомнил, и стал злиться на это, хотя так было всегда, с самого раннего детства. Теперь же он стал рассказывать всем, что я ленивый лежебока, только и делаю, что сплю, да болтаюсь, в то время как он учится, что раздуваю сам вокруг себя какой-то ореол самого умного и самого талантливого ученика, воина, лучника, метателя копий и топоров, всезнайку и зазнайку заодно. Ничего такого я и не думал, так что пока я простодушно считал, что мой брат любит меня уже за то одно, что мы братья, он настроил всех наших друзей против меня, и они стали относиться ко мне

с недоверием и даже какой-то боязнью. Когда я спросил одного из них, по прозвищу Заяц, за длинные смешные передние зубы, с которым был ближе остальных, что такое происходит, он, недоверчиво поглядывая на меня, будто опасался, что я выну кинжал и воткну ему в спину, сказал:

– Но ты же продался чёрным силам.

Я так изумился, что даже онемел на несколько мгновений. А мой приятель продолжил:

– Потому у тебя и ладится всё лучше, чем у других, и умнее ты, и ловчее, и зорче... – невозмутимо продолжил он.

Я вовсе не считал, что у меня получается всё лучше, чем у других, и поэтому эти слова тоже удивили меня.

– Ты... что же такое говоришь?.. – растерялся я. – Кто это придумал?

Он захлопал белыми ресницами, настоящий заяц:

– А разве ты не оборачиваешься медведем по ночам, чтобы воровать детей из окрестных сёл?

– И на что мне дети? – беспомощно спросил я, ещё больше удивляясь.

– Ну дак это... Есть. Для силы и здоровья, – не сомневаясь ни мгновения, ответил он. – Вона, ты здоровый какой, выше нас всех и плечистей... – даже это было ерундой, потому что с Эрбином мы были одного роста и ширины в плечах.

В этот вечер я решил поговорить с Эриком, к этому времени, к своим пятнадцати годам, мы уже разъехались по разным горницам, поэтому я пришёл к нему в горницу попозже,

когда все в тереме уже спали. Когда я рассказал то, что узнал сегодня от нашего друга, он громко и весело расхохотался:

– Да ты что?! Так и глаголил?! Ох, я не могу!.. – покатывался он, держась за живот.

Я и сам посмеялся бы, если бы не помнил, какое лицо было у Зайца, когда он говорил мне всё это. Я сел возле брата, хохочущего на ложе. Но Эрик вдруг перестал смеяться и сел, глядя на меня яркими голубыми глазами, он с раннего детства был удивительно красивым, между прочим, в отличие от меня, но я же не завидовал ему, с досадой подумал я.

А Эрик выпрямился и сказал:

– Ты не садился бы так близко, Ар, не то, глядишь, и на мне звериная шерсть расти станет... пустоголовые-то зря молоть не будут, – всерьёз сказал он.

Но тут же снова расхохотался моему изумлению:

– А легко все поверили, а, Ар? С первого слова поверили, что ты исчадие адской силы! – зло сверкнув синими очами, добавил он.

– Зачем ты делаешь это?

– А почему я не должен этого делать? Чтобы, когда ты станешь великим царём Байкала быть у тебя на побегушках, всегда второй, всегда только рядом с самым умным и сильным братом!

– Ты что городишь-то? – я даже поднялся на ноги, настолько неподдельной была сейчас его злость, она будто холодной волной отталкивала меня.

– Говорю, что знаю, что все говорят, чёртов ты притворщик! Для всех добрым быть хочешь, всем нравиться, вот и прикидываешься белым ягнёнком!

– Да ты что... – растерянно проговорил я. А я-то ещё считал, что он ведёт себя, как ребёнок. Похоже, это я был наивным дурачком и ребёнком, считая его простодушным и прозрачным. Его душа стала тёмной водой, под которой я не видел уже дна.

– Меня ты не обманешь, дорогой Ар!

– Эр, вспомни, что сказала нам Вералга... – я решился на последнюю попытку вернуть разум в его голову, и возродить нашу дружбу.

Но он лишь зло расхохотался, падая на локти на кровать.

– Бредни старой колдуньи будешь мне напоминать? А что, если всё то, было лишь сном?! И как проверить, если не попробовать насолить старухе?

Я подошёл к двери, намереваясь уйти.

– Старухе, как ты выразился, в том мире ничто уже не насолит, как ты говоришь, – печально сказал я, чувствуя, что мне не удастся убедить моего дорогого брата быть мне другом и братом, а не врагом.

– Ну так насолить тебе, тоже приятно! – с кровати крикнул Эрик.

Тут дверь тихонечко отворилась и заглянула хорошенькая девушка из тех, что прислуживали в нашем дворце. Выражение лица у Эрика тут же изменилось, он ухмыльнулся, само-

довольно глядя на меня.

– Пока ты медведём по ночам бегаешь, я в тепле да неге время провожу, – сказал он высокомерно.

В то время я ещё не знал женщин, смущаясь и не чувствуя уверенности. Опытные женщины пугали меня, а с девушками я мог только танцевать на пирах и вечёрках, куда мы хаживали по осени, пели песни, смеялись и плясали. Но так чтобы всерьёз коснуться или поцеловать, на такие шаги я пока не решился. А мой брат преуспел и в этом.

Вот чему он завидовал? У него было всё и даже намного больше, чем у меня...

Но настоящая вражда началась у нас позднее, а тогда я ещё верил, что Эрику надоест дурить и он повзрослеет и поймёт, что Вералга была права. И пусть нет никаких магических способностей у нас с моим братом и всего, что она говорила нам в том странном зале в своём дворце, который сгорел через несколько недель после её смерти, когда отец повелел передать этот дворец одному из вельмож. Великолепный дворец сгорел дотла, хотя бы выстроен из камня, но жар от огня был такой страшный, что раскололись и растрескались камни и упали внутрь, уничтожив тот самый удивительный зал. Теперь бывший дворец был уже разобран, и на его месте возвели светлый храм, посвящённый Солнцу, которому наравне с Байкалом поклонялся наш народ. Пусть мы никакие не бессмертные, обладающие необычайным даром, Силой, предвечные, как сказала Вералга, пусть так, но что это

меняет? Когда-нибудь Эрик поймёт, что дружить – это лучше, чем ссориться, что делить нам нечего, что надо объединять силы, а не распылять их на вражду друг с другом, он перестанет быть таким, в конце концов, никого ближе него у меня нет, но нет и у него...

...Но в сегодняшнюю ясную и безлунную ночь я не думал о моём брате, как не думаю о нём давным-давно, закрывшись ото всех стеной одиночества и страшных легенд о себе. Обо мне как об Арии не помнил и не знал уже никто, кроме самого Эрика, Эрбина или Сингайла – могущественного колдуна, поднаторевшего в самых разных областях за эти долгие тысячу шестнадцать лет.

Сегодня я хотел понаблюдать за звёздами, пользуясь придуманными мной и присланными с дарами за избавление от саранчи, налетевшей было на поля в царстве на полдне Великого моря, называемом Салаз, идеально отполированными хрустальными стёклами с чистой Байкальской водой внутри, что превратило их в линзы. Я уже испытал их днём на солнце, чтобы сконцентрировать его лучи и прожечь несколько чёрных отметин в доске на столе в моём дворе. А теперь я хотел попробовать рассмотреть ближние планеты, мне казалось, вокруг одной из них я видел вращение нескольких других...

И едва я устроился за прибором, который сооружал, придумывая и подгоняя каждую деталь, несколько лет: трубу, в которой я, меняя несколько раз их взаимное положение, по-

местил мои линзы, подгоняя их идеально, едва я заглянул в глазок моего прибора, наводя его на интересующую меня светящуюся разными цветами точку на смоляном небосводе, как вдруг я услышал то, чего никогда не слышал здесь: отдалённый лай собак, которые устроили гон. Кого они гонят? И с чего охота организовалась так поздно ночью?

Али с утра гонят и попросту заблудились в здешних скалистых лесах? Но тоже странно...

Но... может быть, это Эрик, чей дом, будто нарочно построен им всего в двадцати верстах от моего и на его-то землю как раз не может войти никто. Но и меня никто не побеспокоит, сказал я себе и снова повернулся к оку, через которое вот-вот откроются мне чудеса ночного неба. Однако этот собачий гон страшно не понравился мне, было что-то неправильное, что-то дурное в том, что совершалось под покровом ночи под этот собачий лай...

Всё же я отвлёкся от своих звёзд. Что мне за дело до собак и того, чьи они? Или это Эрик, который живёт среди людей всегда под новыми вымышленными именами, исчезая на время и появляясь снова. Ему без людей скучно, он любит внимание, почитание, которым неизменно окружён, благодаря своим многочисленным достоинствам и богатству, он любит золото, множество женщин, роскошь, почёт и восхищение. Он питается всем этим, будто принимает к источнику. Отшельничество и безвестность не в его духе. И никто из живущих не знает, что великий Эрбин, он же маг Сингайл

живёт рядом с ними, ест и пьёт, веселится, даже женится и плодит детей. Это ему, кстати, очень нравится, он, будто всё время пытается увеличить число своих потомков, надеясь, что их станет больше, чем моих...

Я вновь пристроил глаза к отверстию, в которое намеревался смотреть, направляя широкую трубу в небо. Так-так, надо теперь отыскать переливающуюся радужными разводами, как масло на воде, толстую точку на чёрном горизонте...

Но нет, всё сегодня против: что такое? Что я слышу?..

Я с разлёту вбежала на странный, очень большой двор, он и двором-то не был в обычном смысле, потому что не был закрыт воротами или калиткой, но изгородь имелась, обширное пространство почти свободное от деревьев стенами окружающих его, обычные строения, сараи, хлев в стороне, амбар и птичник, вон, слышно скотину, колодец с длинным журавлём, большой стол под ловким навесом на два ската, летом хозяева, должно быть, едят здесь, вон и печь рядом... А вот и дом, большой, с очень высоким и широким крыльцом под крышей с коньком, широкие окна, поблескивают хрусталиями, тоже чудно, хрусталь в богатых городских домах в окна вставляют, да во дворце, в одном окне даже вроде огонёк мерцает.... Вполне человеческий дом, как у добрых людей, странно только, что такой большой и просторный, он построен так далеко и высоко...

Однако всё это я не заметила, когда влетела сюда, я

вспомнила о том, что успела увидеть позже, когда смогла перестать трястись от страха. А сейчас же я взбежала, даже почти взлетела по ступенькам, чувствуя, что мои босые ноги оставляют на чистых, серых от времени досках крыльца мокрые следы, прямо хлюпают. Почему? Вроде по жидкой грязи я не бежала нигде... может хозяйка не слишком осерчает, что я напачкала ей здесь, я уберу, всё вымою, только укройте от тех, кто гонится за мной!

Подняв руку, я хотела постучать, но дверь открылась сама, я даже, кажется, и не коснулась её, я забежала внутрь, не веря в своё счастье и надеясь, что меня не выгонят обратно к тем, кто нагонял меня. Правда, кажется, они отстали?.. я прислушалась, замерев, но сердце грохотало так громко и дыхание оглушало, что я почти ничего не слышала... Нет, собаки совсем близко... Если меня выгонят хозяева, мне конец...

– Стой зверёныш! Как ты вошёл? – услышала я строгий голос. Но голос этот, похоже, удивлялся сильнее, чем сердился. Это хозяин дома открыл двери в сени, где я стояла, трясясь.

– Дверь... отперта... – проговорила я, всё ещё задыхаясь от сумасшедшего бега. – Я... только не выгоняйте, добрый человек... Только не выгоняйте... Они убьют меня.

– «Дверь отперта»... Собак привёл сюда, у-у, зверёныш! – проворчал хозяин. – Что натворил, сказывай? Украл чего? Али разбой какой? Правду говори, всё равно узнаю, сам при-

бью.

– Нет-нет, добрый человек... я не разбойник.

Он появился, наконец, из темноты. И тут произошло у меня странное видение. От изнеможения и пережитого ужаса, должно быть, я увидела древнего старца с длинными до земли белыми волосами и бородой, такому старику никак не меньше тыщи лет...

Но через несколько шагов, когда он подошёл ко мне, держа в руке масляную лампу, горящую спокойным золотым светом, оказалось, что это был молодой человек, собой красивый, бритый, гладкий, высокий и с широкими саженными плечами, волосы и верно, очень длинные, когда он повернулся, чтобы поставить лампу на хозяйственный ящик, стоявший здесь, я увидела, что по спине струится перетянутый в нескольких местах светло-русый гладкий хвост, как у хорошей породистой лошади, доходя до самой талии...

– Ох и грязный ты, зверёныш!.. Фу... и ободранный весь... хоть не паршивый?.. – брезгливо поморщился красавец, сведя широкие брови к переносице. – Стой, с места не сходи, нагрязнишь мне здесь, убирай после... Никто собакам не отдаст тебя. А вот с хозяевами их пойду, поговорю.

– Спасибо тебе, добрый человек! – радостно воскликнула я, молитвенно прижимая руки к груди, не веря, что вижу такого красивого и ещё доброго человека, пробежав столько вёрст через густой лес и по камням в этой чаще.

– Да замолчи ты уже, «добрый человек»... тут стой, с ме-

ста не смей сходить... запомни, с места не двигайся, стащишь чего, прибыю... – проговорил он. И голос-то у него какой-то мелодичный, звонкий, молодой, как чистый ручей, вроде и сердится, а не страшно, наоборот, хорошо на душе, славно, будто я родного нашла, будто именно к нему в эти леса и бежала...

И он обошёл меня, открыл дверь, вновь обращаясь в старца, когда переступил порог. Может это лунный свет так шутит со мной? Так ведь нет никакой луны сегодня...

Но что делать в этой чаще молодому красавцу? Вот древнему старику-отшельнику здесь самое место и обитель под стать. А как тут живёт молодой?.. Может парень мне померещился, а не старик?.. Али это ангел Смерти? Говорят, Она может являться к безгрешным душам в образе прекрасного ангела... А я... безгрешная ли душа? Наверное... нет? Или да...

Интересно, я думаю об этом сейчас, чтобы не думать, что собаки могут задрать старика, что Силовы мерзавцы убьют его, ворвутся сюда и тогда...

...Собаки задрать меня не могут. Но то, что этот тощий заморыш проник в мой дом с такой лёгкостью, мягко говоря, обескуражило меня. Этого никак не может быть. Даже лесная птица не залетит на мой двор, не то. Что человек. Уж не подсланный ли Эрбином лазутчик? Но что надо Эрику от меня? Ведь я не лезу к моему брату, он же всё время пытается проникнуть ко мне, любопытствуя, как я живу, чем,

что делаю.

И мне кажется, он просто жить без этого любопытства не может. Мне безразлично, что он делает, я только слышу о его похождениях среди людей, когда выбираюсь в города, чтобы купить себе то, чего я не могу добыть или получить в своей чаще, где у меня, как у всех людей обычное хозяйство, вести которое, учитывая, как я наострил за все эти столетия управлять сущим, вести хозяйство намного легче, чем любой многочисленной семье.

Но никакой лазутчик не сможет войти вот так ко мне. Сам Эрик только мог бы и то, применив Силу. Но это не он, это какой-то замученный ребёнок, обессиленный и умирающий от страха. Но, может быть этот самый пережитый им ужас, али страх смерти, несущейся по пятам, и открыл ему мой дом? Так и есть, должно быть, хотя всё равно очень странно. Зверёныш и есть, самый настоящий... Неожиданно мне стало даже как-то странно тепло на сердце от того, что какой-то маленький человек, пусть и такой, никчёмный и чумазый, всё же появился в моём доме.

Я вышел достаточно далеко от моего дома, волною Силы уводя и собак впереди себя, не надо, чтобы те, кто послал их по следу несчастного мальчишки, дрожащего сейчас в моих сенях, поняли, что подошли так близко к дому самого Галалия. А потому они должны увидеть то, что я им покажу.

Несколько всадников и десятка полтора пеших обступили меня.

– Эй, старуха, не видала тут...

– Кого, добры молодцы? Чумазого мальчишки? – спросил я, а они захохотали.

– Ну, пусть мальчишки, чёрт с тобой! Так видала, значит? Я кивнул, а они видят, как кивает старуха.

– С большого камня сорвался беглец ваш, вона там! Шею и свернул... в яме валяется. Я глядела –дохлый.

– Нам покажи!

– Дак идёмте.

И я даже привёл и показал им то, что сказал и они увидели, что мне было нужно.

– Вишь, сердешный, в темноте-то не разобрал дороги и ухнулси. Пикнуть и то не успел, – сокрушаясь, проговорила старушенция, которую видала погоня вместо меня.

Они постояли над небольшим обрывом, на дне которого видели распластанную бездвижную фигурку с раскиданным переломанными ручками-ножками.

– Достать бы надо? Ить чё-то сказать надоть...

– Достать? Ну, полезай, умник, свою башку тута и свернёшь. Всё, поехали в обратку. И так полночи носились.

– Дык-ить зря.

– Чё зря? Тебе сказали убить, вона – лежит, лучше не придумашь. В реку не бросили, так скажем – бросили, проверит он што ль?.. Всё едем!

Тут вступила и старуха моя:

– Чего он сделал-то, что вы такой толпой да с собаками?

Убил кого?

– Не убил... Но...

– Жалеть не за што, так что...

– Нихто не заплачет. Так что иди, бабка, твоё дело стороннее.

– Дак ясно, што стороннее, но... всё ж-таки... живая душа.

Они заржали, разворачивая уставших от неудавшейся погони коней, ржущих, косящих глазами.

Другой всё же посмотрел на меня с подозрением:

– Тебе-то што, старуха, чего разнюхивашь? Ишшо волховать над мертвецом возьмёсся?

– Ага, Мокшен, в обрыв энтот полезет? Она еле ходит, гляди, щас развалится...

– Издаля тоже можна.

– Да ладно, не цепляйся, едем!

Но Мокшен не унимался, всё внимательнее вглядываясь в меня:

– А вообще, чиво ты тут делаешь, до деревни пёхом и то полдня на твоих старых колтушках итить, а щас ночь-полночь?

Но я нашёлся мгновенно, продолжая изображать странно-ватую старую ведьму:

– Дак травки, робята, безлунная ночь, када ж ишшо?

Но Мокшен, похоже, искушён в колдовском деле, откуда, интересно?

– Безлунная ночь? Только для чёрных дел такие травцы из самых чёрных ночей, смерть-ить в травах в такие ночи...

Но кто-то из его товарищей остановил его, тем более что отряд уже потянулся назад.

– Отстань ты от старой ведьмы, может твоих врагов и отравит потом.

– Врагов... А ежли меня? Али тебя? Хотя тебя, дерьма, не жалко... – произнёс Мокшен. – Мож, рубануть всё же?

Вот это было бы плохо: меня им не убить, но сразу поняли бы, кто я есть, а так близко от моего дома мне этого не хотелось их убивать, ведь набегут, скажут, стражу порубили, рыскать станут, со двора не выйдешь... Хотя, бояться ещё больше станут.

Но они спасли себя сами.

– Оставь ты её, хватит трупов на сегодня, скажут, што мы душегубы.

Мокшен ещё раз с сомнением посмотрел на мою старушеницу и развернул коня, но всё же оглянулся ещё несколько раз. Я дождался, пока они скроются за деревьями, прежде чем сам повернул назад к моему дому. Живой там ещё заморыш? Мог и кончиться от изнеможения. Жаль будет, получится, зря я столько болтал с придирой Мокшеном.

Но нет, Смертью возле моего дома не пахнет, значит, живой зверёныш, обрадовался я. Удивительно, как сразу он мне к сердцу прикипел, во как спасать-то кого-то... Хотя... это от моего давнего одиночества должно быть. Но за столько

сотен лет я никогда ещё не испытывал такого, моё одиночество вовсе не тяготило меня, я разбавлял его, когда хотел, наведываясь в города и сёла в самых разных обличьях, отводить людям глаза и показываться так, как мне было угодно, я научился так давно, что не помню, чтобы не умел этого. Но никто раньше и не прибегал ободранный в мой дом, самоуправно и нахально порушив моё уединение.

Когда я вошёл в сени, сразу увидел мальчишку в виде маленькой кучи на том же месте, где я приказал ему быть. Что он? Сознание потерял?

Я наклонился, нет, сопит спокойно, значит уснул. Хорошо, жаль было бы, если бы помер теперь. Я сгрёб его с пола и поднял на руки без труда, тельце у мальчонки под локотьями тонкое, лёгонькое, отнёс на лавку к тёплой печи и укрыл одеялом, умелицы на полуденном берегу шьют, лоскуты разноцветные собирают, внутрь овечьей шерсти набивают, у меня было несколько таких одеял, вещь незаменимая, особенно летом как сейчас, когда блохастыми шкурами укрываться не хочется.

Я даже погладил мальчишку по голове, поддавшись всё тому же тёплому чувству внутри меня, которое он необъяснимым образом вызвал во мне. Чёрные волосы спутанные, но... что это? Раны у него под неровно остриженными и пропитанными кровью волосами, били или сбрасывали что ли? Похоже, и то, и другое. И порезали... что же за изверги? Уж коли преступник, убейте, почто ж издеваться? Что такого

мог натворить малец, чтобы разжечь эдакую злобу?

Сколько ему? Высоконький, но тощий, тоненький, что былинка в поле, лет четырнадцать, может пятнадцать, не больше, голосок ещё детский, девчоночий. Пускай спит, проснётся, поест, помоеся, расскажет, что за история бросила его бежать по непролазной чаще, по камням, обдирая ноги в кровь, все ступени в крови перемазал, и пол в снях. И чем это он вызвал такую ненависть в серьёзных и злых преследователях, что обрадовались его смерти. Может, отвара травяного ему дать, чтобы крепче спал? Ну... если проснётся, дам.

А сам я вернулся было к своему наблюдению, но время упущено, летняя ночь коротка, даже под осень, небо начало светлеть. Что остаётся? Только тоже спать лечь.

И я забрался на большущую печь, где можно было не то что спать четверым дюжим мужикам, но даже жить. Она топлена три дня назад, ещё тёплая, как кошкин бок. А вот и кошка моя, осторожно ступая мягкими лапками по мне, серой головкой потёрлась о моё лицо, потом о затылок и подлегла под бок, мурча. Ну вот и славно, будем спать.

Я проснулся, как всегда, как привык сразу после рассвета и не важно, сколько я спал, наверстать можно будет в другую ночь или ночи, сон вообще переоценивают, можно обходиться совсем небольшим временем и не отлёживать бока целые ночи изо дня в день. Другое дело – болезнь, тут уж не скупись, иногда сутки глубокого сна побеждают любую хворь.

Я слез с печки, подошёл к лавке, где спал вчерашний мой

гость, проснувшись, я даже подумал, не приснилось ли мне вчерашнее странное происшествие. Но нет, здесь, спит, даже не шевелился с ночи, что ж, тем лучше, пусть выздоравливает.

Глава 3. Сила гнева

Когда я проснулась, вокруг было уже светло. И сон был не сон, а какое-то мутное забытие и теперь проступал окружающий мир, как на рассвете выступает из темноты... Куда это всё же принесло меня? Но не это стало первым, что вошло в мой пробудившийся ум: я почувствовала боль во всём теле, и особенно в голове, один глаз заплыл и не видел, но и второй глядел неясно, всё как-то будто сквозь воду, плечо отлежала к тому же, когда повернулась, в руке разбежались искры, заполняя её горячей волной, потом кипяток схлынул, остались только иголки, да такие болючие, даже пальцы занемели, но и они растаяли тоже, моргая одним, почти слепым глазом, рассматривала всё, что окружало меня.

Большая, необычно высокая изба, и очень большая горница, широкие окна, те самые, в которые я вглядывалась... когда? Вчера ночью? Значит, не приснилось всё...

Нет-нет, не вспоминать то, что было до этого дома... Я силой заставила себя не думать об этом. Встать, наверное, надо, а где же хозяин, то ли старик, то ли молодой. Лучше бы старик...

Я кое-как села, кряхтя от боли, стала оборачиваться по сторонам, куда тут по нужде ходят?..

И вот он, появился. Старик, как бы ни так... молодой, и ещё более красивый, чем при вчерашней темноте, неверном

свете лампы, теперь будто сам свет излучает, лицо светлое, волос, глаза прозрачная чистая вода...

– Проснулся, грязныш? На-ка выпей и мыться пойдём, баня уж перестояла, спать ты горазд, брат, – голос тот же нетяжёлый, мягкий, водяной, может, незлой всё же, улыбка такая хорошая, она его лицо делает каким-то особенно юным, что-то детское в этой милой улыбке. Это мне от того кажется, должно быть, что он меня спас... Я даже не заметила, что он меня братом-то кличет.

Я поднялась, подавляя возглас боли, и последовала за ним, за этим странным человеком, таким непохожим на лесного отшельника. И хотя идти мне было очень больно, ноги сбиты, а члены моего тела вывернуты и раздавлены, я старалась не отставать. Странно, что я вообще жива. Но лучше здесь помереть у этого лесника, чем позволить убить себя тем грязным зверям, низким рабам, чтобы они победили, чтобы стояли над моим трупом, осквернённом и растоптанном ими, чтобы насладились своей победой до конца... нет, лучше здесь...

– Заголяйся, – сказал лесной житель, имени которого я так и не узнала до сих пор, – тряпьё за дверь бросай, я сожгу, вон чистое на лавке лежит. Да, там лохань стоит с горячей водой, ты в неё залазь, отмокни немного, не то не отмоешь тебя. Мыльный корень рядом лежит. И вехотка. Сейчас приду, ножницы принесу, патлы твои страшные состричу.

Я потрогала голову... н-да, патлы, почти ничего не оста-

лось на голове от моих длинных кос и... ох и больно, вся голова в порезах, кинжалом ведь взялись волосы срезать и выдрали половину... Мне захотелось плакать, но что теперь плакать, теперь спаслась. Только бы этот странный отшельник не оказался хуже тех моих учителей, под самой пленительной внешностью подчас скрываются самые страшные, самые подлые черти, теперь я это знаю... Теперь я много знаю такого, чего никому не надо никогда узнавать. И разучилась доверяться.

Сбросив то, что осталось от моей одежды, я открыла дверь в баню, где в тесном помещении посреди разогретой парильни, стояла большая лохань, вёдер на двадцать, а то и на тридцать. Как же он согрел столько воды, этот лесовик? Да и на-taskать дело непростое, для меня старался. Всё же добрый, должно быть, человек...

Горячая вода, вот наслаждение. Я по самый подбородок окунулась в воду, раны защипало, зажгло, но всем моим растянутым и надорванным мышцам стало меньше больно... Чуть-чуть посидев так, и чувствуя, что опять потянуло в сон, я взяла мыльный корень и потёрла в ладонях, взбивая пену, утопила вехотку под коленки, пусть размокнет. В царском дворце балуют таким удовольствием каждый день, ежели пожелаешь, сдабривают воду ароматными настойками и маслами. В царском дворце чем угодно балуют. Только прикажи... Но мне дорого пришлось заплатить за несколько лет той привольной жизни. За всё надо платить, говорят, стало

быть, я заплатила сполна.

Я закрыла глаза, с головой погрузилась в воду, теперь защипало в ранах и на голове, все волосы, оставшиеся слиплись от грязи и крови. Расслабляет горячая вода, смягчит, хоть опять засыпай... глаза сами собой закрылись.

– Задремал опять, а, чумазый? – завибрировал добрыми колокольцами смех лесного незнакомца.

Я присела глубже, и плечи утопила в воде под пеной.

– Ты ровно сиди, голову остригу твою, не то ты как леший.

Он снял рубашку и сапоги ещё в предбаннике, штаны завернул повыше, чтобы не мокли, у него сильное, гладкое тело, красивое, мышцы волнами играют под белой кожей, напружиниваются. Вообще, как странно, что такой в лесу один живёт, такую красоту от людей тут хоронит. Ни жены, ни семьи. Может, какое горе его загнало в такую глушь-чащобу, вот как меня?..

– Как же они жестоко тебя брить-то пытались, ишь ты, голова вся в ранах, а, малый? Чем ты их так разозлил ужасно? Украл чего?

– Нет...

– Ладно, потом расскажешь. Совсем коротко остригу тебя, лето, оно даже лучше, не жарко, к зиме кудри отрастишь. Выются волосы-то?

– Ага, но не шибко...

Он опять засмеялся, всё забавляет его во мне, похоже. Или нарочно похохатывает, чтобы я не боялась его? Или хо-

чет, чтобы я за смешками вчерашние ужасы позабыла? Но и то и другое не от злобы, похоже. Очень мне хотелось, чтобы он был добрый, тот, в чьей я теперь власти...

Он присел за моей спиной и зачерпнул горстью воды из лохани, налил мне на голову, и стал намыливать, щёлоч с собой принёс, отваром полил прохладным, ромашковым, и... это так приятно оказалось и ранам не больно, всему телу стало не больно, от его прикосновений что ли?..

– Мочалку давай, зверёныш. Тощий-то... ох и тощий, плечики-то... прям цыплёнок, – приговаривал лесник.

Он намылил мочалку получше и стал бережно тереть мне спину и плечи, и под воду нырнул, потёр по животу, по груди. Провёл раз, потом второй уже без мочалки ладонью, и ниже, будто искал там чего-то, я дёрнулась и отпрянула, сжимаясь, плеснув водой немного, хотела уж начать драться, остановить руки его, взялся, вишь ли, лапачь, за спасение спасибо, конечно, но не для того спасалась я от одних, чтобы...

– Батюшки... девчонка ты, что ли?!.. – ахнув, он и сам откачнулся и сел на задницу прямо на мокрый пол.

Я обернулась, прижав руки к груди.

– Ну... да...

Он смотрел на меня так ошеломлённо и растерянно, что мне стало жаль его, конечно, понять-то, почему он обозначился можно, когда я прибежала, одежды на мне почти не было, глаз один совсем заплыл, да и на ощупь всё лицо перекособочило, так что... а под грязью, синяками и лохмами обо-

рванными ничего совсем не поймёшь.

– Ну... это... я вам доложу... – он поднялся, охрипнув от смущения. Хоть тут и полумрак, но я увидела, как он покраснел до слёз, отворачиваясь. – Чё ж молчишь?..

– Дак я... не успела...

– «Не успела»... – с досадой проговорил он осипшим голосом, и отошёл к двери, не оборачиваясь. – Ты... это... Ты... мойся и... Это...ну...мойся, словом... одёжа только мужская у меня, не обессудь. Оденешься, там... отвар в предбаннике в кружке... выпей, сил придаст, а я... Ох... на дворе подожду.

Ну... вот это ошибся я... Как девчонку не отличил от парня? Пока груди не нащупал, не сообразил, даже между ног полез, себе не поверил. Вот одичал я, уже мальчишку от девочки перестал отличать, в людях видеть, а ведь я мысли читаю вперёд того, как они в голове оформятся, а тут так оплошал...

Я вышел из бани, разжёл пламя в уличной печи, где готовил летней порой, а сегодня зной спустился на горы и лес, в избе готовить, не продохнёшь потом. Похлёбку сварю, питаться надо девочке, в чём душа держится...

Но груди хорошенькие, упругие, сосочки острые и лобок пушистый, мягенький... Тьфу! Вот чёрт, Арий, давно, что ли, с женщинами не спал, совсем одичал тут, ишь как разволновался...

А ведь вчерашние – то насильники были. Потому и гна-

лись, потому и убить хотели, за насилие такое над девчонками наказывали всегда строго. Ах, как не разобрался я, от людей совсем отвык, со звёздами всё, да зверьём, камнями, растениями, а человеческий род, позабыл каков... Понял бы сразу, не ушли бы они из леса моего, все сгнули бы здесь, злодеи. Ах, ошибся я, ах, как ошибся... Думал, преступника, лиходея мелкого гонят, а они... они сами страшные лиходеи...

Вышла. Одежонка болтается, не по размеру всё, тонюсенькая станом, вот личика не разглядеть – слева распухло, окривело, один глаз не видно, второй кровью заплыл, и сине-багровое всё, ничего не поймёшь, теперь без волос стало видно и головка раненая вся и шея... Идёт-то с трудом, чуни войлочные хоть и мягкие, а ноги раненые, забыл я... Я поднялся из-за стола, пошёл навстречу.

– Постой, помогу тебе, – сказал я, подойдя, поднял на руки болезную.

Она немного испуганно воззрилась на меня, вытянув руки. Понятно, опасается, мало вчерашних, я ещё взялся лапать...

Я проговорил, как можно мягче:

– Да не бойся.

Я донёс её до лавки, посадил и сам сел рядом.

– Ты не бойся меня, я не трону, – сказал я тихо и как можно мягче. – Не обижу тебя, как те. Не понял я сразу, что... Отвык от людей тут, вот и обозначился... Вылечу тебя, и домой отвезу, к родителям. От родителей украли?

– Нет, померли все, – сказала она, немного расслабляя руки, опустив локти, и смотрела теперь спокойно вполглаза. – Брат только, но... он... Никого у меня нет. Да и были бы, такой, – она провела ладонью по голове, – куда я этакая пойду... Ты... добрый человек, не гони сколько-нибудь, я... пригжусь тебе на что, готовить буду, убираться, по хозяйству тож, одному непросто, поди...

Я засмеялся:

– Чего-чего, а помощников мне не надо, сам привык. Гляди!

И он, от стола под старым уже навесом на столбах, струганным на два ската, как крыша, вытянул правую руку в направлении летней печи шагах в пяти, на которой булькал чугунок с пахучей похлёбкой. Чугунок, чуть покачнувшись, приподнялся, будто кто-то невидимый взял его в руки и, не спеша, перенёс на стол.

– И похлёбку сварил я точно так же... – довершил своё действие чудной красавец. – Пусть остынет, дойдёт, а я пока ноги пока тебе смажу зельем животворным, да перевяжу. Поешь, тогда и прочими ранами займусь...

И направился к дому, в подклеть, вернулся с маленькой баночкой, и вервием. Намазал и обмотал мне ноги жирной тающей мазью и оставил пока.

– Сиди ногами на лавке, пусть подышит лекарство от солнца и воздуха силы примет, потом завяжем, – мягко сказал он.

– Что, с зельем так не выходит, как с едой? – спросила я, удивляясь, зачем ему вообще что-то делать, если он чугушки с едой вот так-то ловко передвигает.

Он засмеялся опять, улыбка у него беззащитная какая-то, как у всех добрых людей. И лицо становится таким-то милым, когда он смеётся.

– Если всё как с похлёбкой делать, то и руки-ноги вообще отпадут за ненадобностью, – сказал он. А потом добавил уже без смеха: – А ежли по правде, то – да, с зельями и лечением так нельзя. Лечить без жертвы нельзя, хоть малой, но жертвы. Зелья как еда за руками не идут, хотя и там поработать надо... Но тут особенно: травы найти и правильно высушить или выморить, или в масле притомить, в вине, смотря какая на что готовится. Я слабо этим искусством владею. Это Сингайла дар, только он отказывается от него, не хочет признавать, низким считает Божеское предназначенье.

А мои ноги между тем болеть уже перестали. Скромничает... а ведь он...

– Ты... – вдруг догадалась я, как толчок в сердце. Почему в сердце, не в голову?.. И как раньше не поняла? – Ты что, ты – Галалий? Галалий Огнь?

Он улыбнулся снова, взглянув на меня из-за плеча:

– «Огнь»?! Что, так и зовут до сих пор?

Точно, но как такое возможно?

– До сих пор? Сколько тебе лет, Огнь?

– А сколько, ты думаешь?

– Галалию никак меньше, чем пятьдесят... даже больше должно быть. А ты... парень. Ну, али мужик первой молодости.

Он удивился, было видно, посмотрел на меня, словно снова увидел что-то, чего не ожидал.

– Вон как ты меня видишь?.. – проговорил он.

И смотрел с улыбкой, опять смущённой немного. Глаза светлые, как байкальская вода на мелководье летом. Галалий, это же надо... А я-то думала, тебя вообще не существует, ты – выдумка... Может быть, я просто умерла и... вижу прекраснеликих кудесников, и чудеса происходят вокруг меня, как с тем горшком с похлёбкой?..

Вдруг она качнулась и начала валиться на бок, побледнев под своими синяками. Ах ты... мало спала, не восстановила силы. Я не зря сидел рядом, поймал. И оставил так, опершись на меня, на мои колени головкой. Личико, разбитое под солнце подставилось. Ничего, касатка, раны заживут, поправишься, отвезу тебя к добрым людям, кто про стриженные волосы не спросит. Не то... ох-хох... не то привыкну к тебе, полюблю... Ты вон живая, да смышлёная, похоже, мудрено тебя не любить. А мне это нельзя, такую слабость заиметь, это Эрбину раскрытую грудь подставить – рази. Да и отвык я давно от привязанностей.

... С этого по-настоящему и началась наша с братом вражда. До того он искал способ задеть меня и вывести из себя, заставить разозлиться и позволить ему обвинить меня перед

всеми в том, что я злобно нападаю на него. Я не могу сказать, что я мучительно крепился и не трогал его, но любой другой давно врезал бы нахалу.

И вот в столицу приехала племянница нашей матери, Лея, которая жила на восточном берегу. Она была всего на год моложе нас, нам было по шестнадцать, Лее – пятнадцать. Она была необыкновенная во всём, так мне казалось: у неё были рыжие волосы и глаза – ярко-зелёные, как иногда бывают воды нашего Байкала в середине лета... Я влюбился с первого взгляда в её красоту, хотя до сих пор вроде и не замечал женщин, в отличие от Эрбина, давно познавшего женские прелести и ласки. Мы стали проводить вместе с Леей всё время, не занятое учёбой или сном. Она неподдельно восхищалась моими знаниями, моей ловкостью и силой, моим остроумием, которое благодаря её восхищению стало искромётным. Она заморожённо слушала и смотрела на меня чуть ли не как на божество, никто так на меня раньше не смотрел. Поэтому решиться поцеловать её оказалось несложно и этот первый поцелуй, как и последующие с ней, я помню до сих пор. Наверное, они были неумелы и неловки, но так и запомнились мне счастливым кружением в моей голове.

И Эрбин стал ревновать меня к ней. Всё то время, что мы с ним проводили вместе, теперь было отдано Лее. Как ни пытался Эрик привлечь снова моё внимание, какие бы козни не строил, например, просил тётку повезти Лею показать древние храмы на берегу через пролив от нашего острова, где

стояла столица, а мне говорил при каждом удобном случае:

– Неужели тебе нравится эта конопатая Лея? Она же глупа, как пробка!

Я, смеясь, отвечал:

– Зато у неё волосы – чистое золото!

– Где ж золото? – фыркнул он. – Обычная медная скука!

Я даже не спорил, отлично понимая от чего его колкости, потому что Лея глупой вовсе не была. Возможно, она не блистала необыкновенным разумом и, конечно, не была так образованна, как мы с Эрбином или наши товарищи, но мне не было с ней скучно, хотя большую часть времени говорил я. Она же рассказывала о Восточном берегу, где мы бывали раз в несколько лет, но почему-то ни разу зимой, о том, как, например, отличаются там узоры в вышивках и в украшениях, или способы приготавливать мясо или печь хлеб, что вина из одуванчиков там не готовят, а зелена вина и вовсе почти не знают, и много других бытовых, житейских мелочей, я, который такими вещами никогда не интересовался раньше, теперь внимательно слушал. И только много позже я понял, что все эти отличия не так просты и подчас даже небезобидны, указывая разность в мышлении, восприятии и даже чувствах внутри одного большого народа и как легко можно использовать эту разность, чтобы разделить народ, сказать тем, кто любит вышивать на подолах и воротах рубах не красные, а синие цветы, что это потому, что вы иные и те, кто любит красные, вас поработил и хочет уничтожить...

Я уже нашёл время поговорить с отцом и матерью о женитьбе на Лее, они одобрили, переглянувшись, но первому об этом я сказал Эрику, по секрету поделившись сокровенным, он не удивился, сказал только:

– Ну... полагаю, они и приехали в столицу с этой целью, выдать тут Лею замуж за одного из нас, – он лишь холодно усмехнулся.

А я намерился уже поговорить с её матерью, но...

Но Эрбин пришёл однажды вечером ко мне в комнату и сказал как бы между прочим, что женится.

– Вот хорошо, вместе и свадьбы проведём! – обрадовался я. – Кто счастливица?

– Дак... Лея, – сказал Эрик спокойно и даже без вызова.

Произнеся это, он свободно растянулся на моей постели поверх покрывала, сладко потягиваясь, как огромный сытый кот. Взглянул на меня прозрачным взглядом.

– Я, знаешь ли, не могу уже не жениться на ней, она беременная от меня.

Я несколько мгновений ошеломлённо смотрел на него, пытаюсь осознать его слова и понять, что здание, подобное тому, что строили наши строители на века и тысячелетия, внезапно не то, что закачалось и рухнуло, оно, оказывается, никогда не существовало, я только нарисовал его на куске пергамента, придумал, но его не было, его не видел никто, кроме меня...

– Как ты... Этого не может быть... Или... ты что, ты сна-

сильничал её? – проговорил я, не в силах поверить, что Лея, моя золотая Лея, которая так любит меня, в то же время, как обнимала и целовала меня, оказывается, успела тайно стать беременной от Эрика.

Он весело и с удовольствием захохотал, глядя в сводами уходящий ввысь потолок над нами.

– Да для чего мне насильно тащить девчонок, когда они сами вешаются, ты же знаешь, Ар... Хоть отбивайся.

Это верно, я знал, как и все, как равнодушны все без исключения женщины Байкала к чарам моего брата. И если я по сию пору ходил девственником, то Эрик редкую ночь почивал в одиночестве последний год, а может быть и полтора.

Он, продолжая в широко распахнутом вороте почесывать грудь, которая, несмотря на юность начала уже зарастать шерсткой, будто в насмешку над тем, что год назад он дразнил меня медведем, и взглянув на меня, подмигнул:

– Не обижайся, Ар, у ней и там та же скучная медь, никакого золота, и никакого огня я не высек, как ни старался... – равнодушно сказал он.

Всё имеет последнюю каплю, любой покой оборачивается взрывом. Я сорвался с места и налетел на него с кулаками...

Я никогда ещё не дрался, чувствуя такую ненависть, такой страшный, всепоглощающий, ослепляющий огонь в крови. Ярость огнём затопила мой разум и даже мой взор. В тот же миг сотряслась земля под нами, покачулся остров, на котором стояла наша столица.

Я видел, как брызнула кровь на стены, и не знал, моя или Эрика. Я слышал только, как хрустят кости и скрипят зубы, я не чувствовал боли от ударов, и не знаю, сколько продлилась бы наша битва, если бы на шум не сбежались дворовые и не растащили нас с большим трудом.

Мы пострадали одинаково в тот день, будто в зеркале были наши раны, где на мне, там и на нём. И мы не знали ещё в тот момент, когда нас разнимали, что изрядный кусок суши откололся и утонул в Море, унеся с собой целую деревню, вместе с большинством жителей...

Глава 4. Нежеланный дар

Я заметил, что с моей странной пришельницей что-то неладно, что обморок не простой, что она в беспомощности, и оно становится всё глубже, её лицо стало всё больше бледнеть под багровыми синяками и ссадинами оно ещё как-то уменьшилось и стало, заостряясь, таять. И я понял, что у неё кровотечение где-то внутри... Эх, как я пожалел, что дар врачевания достался из нас двоих не мне, а Эрику.

Впервые я узнал об этом в тот день, когда наш отец внезапно заболел и впал в забытие и все приходившие к нему лекари, кудесники, волхователи и шаманы выходили из опочивальни с одинаковыми лицами, похожими на безмолвные маски, какие надевали наши скоморохи, представляя печальных героев в своих затеях. Этакая воплощённая беспомощность, прикрытая значительностью.

Эрик, стоявший в нескольких шагах от меня, в то время уже женатый на Лее, уже отец маленькой дочери, которую он, если верить той же Лее, даже на руки не берёт, говоря, что ему нужен наследник, а не какие-то девчонки, Эрик, с которым мы почти не разговаривали уже больше года, сжав кулаки от злости, вдруг прошипел:

– Бессильные бездарные тупицы! – и вошёл в царскую горницу.

Я пошёл за ним, не потому что я не хотел позволить ему

одному быть возле отца, я, в отличие от Эрика, ревностью не страдал, а после того, что произошло из-за нашей драки, старался не видаться с ним, чтобы не запылать снова такой же разрушительной ненавистью. Я пошёл за ним, поддавшись привычке, когда мы с детства везде ходили друг за другом. Эту привычку мы не изжили до сих пор, потому, вероятно, он и поселился рядом со мной и пытался подсылать соглядатаев...

Но тогда я последовал за моим братом, не думая ни о чём, поддавшись извечной привычке. И увидел то, чего ещё не видел и никак не ожидал увидеть...

Эрик подбежал к высокому ложу нашего отца, глядя на которое я всегда думал, что побоялся бы уснуть на нём из страха свалиться во сне и сломать руку, а, может, и шею. Эрик же не думал о таких глупостях как я, он знал, что делать и...

Он откинул покрывало, предупредив движение матери, бросившейся было к нему, и, разорвав рубашку, обнажил грудь нашего отца, также как у Эрика покрытую волосами, вот у меня так никакой шерсти на теле и неросло за всю жизнь. В следующее мгновение мой брат положил большие ладони на грудь отца, растопырив пальцы, мне даже показалось, кончики пальцев засветились... А потом, приподнявшись над ним то ли выдохнул, то ли исторг какой-то странный свет на какое-то мгновение и...

Отец, лежавший только что безучастный и какой-то под-

таявший, с усилием вдохнул, приподнимаясь на ложе, как будто Эрик подтянул его на невидимых нитях и заодно влил в него силу и даже объём в его тело...

– Что?.. Что это?.. – сипло проговорил отец. – Ты... Эрик, почему ты... так... глядишь?..

Эрик же просто выпрямился, поднимаясь от ложа и не сказав ничего, только взглянул на мать, плачущую в изножье. Она подняла голову, услышав голос мужа, и кинулась к нему. Эрик меж тем направился к дверям, я вышел за ним. За нами, как плащ, последовал шум, поднятый переполохом от того, что только что умиравший царь внезапно пошёл на поправку.

Я нагнал брата только в широких и полутёмных сейчас сенях дворца, где он забирал плащ с рук дворцового служки.

– Эрик! – я выскочил за ним на крыльцо.

Он обернулся и поморщился, увидев меня:

– Чего разлетелся-то? – недовольно спросил он, снова отвернувшись, и накинув плащ на плечи, взялся за драгоценную застёжку.

– Ты... Ты можешь врачевать?! – задыхаясь от восхищения, проговорил я.

– Ну могу. И что? – поморщился Эрик.

– Почему ты... почему никогда не...

– Что? Не говорил тебе? На черта мне это?

– Это же дар, Эрик! Необыкновенный и редкий, ты мог бы...

– Что я мог бы, Ар? – он сверкнул глазами гневно, оборачиваясь ко мне. – Будь я простой смерд, я, конечно, мог бы озолотиться с помощью этого дара, а на кой ляд мне, царевичу, врачевание? – подняв брови, он пронизал меня взглядом. – Что мне, болезных спасать? Вдыхать вонь их гнили и немощи? Видеть прижизненное разложение их смертных тел? На что мне сдалось это, скажи мне ты, кто всегда был умнее и прозорливее меня? Я потому и скрываю, чтобы никто не принудил меня так или иначе заниматься лечением этих ничтожных людишек, должных прожить положенное им время и уйти разлагаться в прах...

– Эрик, страшный грех – хоронить свой дар. Особенно такой! – воскликнул я.

Он засмеялся:

– И что? Ты меня накажешь? Не забудь: ты мне в зубы, всё равно, что себе, так что... – но смех его был не весел.

После той нашей драки мы старались не только не ссориться, но вообще пореже встречаться, тем более говорить. Никто не обвинил нас в гибели деревни, обрушившейся из-за нас, но мы знали, что мы виновны и это стало первым тяжёлым камнем, упавшим на наши души.

Эрик застегнул, наконец, золотые пряжки своего плаща и добавил, взглянув на меня:

– Никто мне не указ, понятно?! Даже ты! Даже особенно ты!

– Я и не думал указывать тебе.

– Да конечно! – скривился Эрик. – Проклятуший кладезь мудрости, черти тебя унеси подальше!

– Высшие силы накажут. Нельзя отказываться от великих даров.

– Иди к чёрту, своему папаше, а мне не указывай! – уже заорал Эрик. – Чтобы я этим холуйским даром гордился, нашёл тоже. Ты над землёй взмывать можешь, а я должен вонючих больных обслуживать в угоду твоему дурацкому дару?

– Своему, не моему, придурок! – разозлился я. – Это же... обессмертит тебя...

– Да я и так бессмертный, или ты позабыл, умник?!.. Пока ты не помрёшь, конечно... Всё, бывай, братец! Да... к Лее близко не подходи, не то зарежу. И не тебя, её...

Надо сказать, я и не думал подходить к Лее, после её измены она совершенно перестала интересоваться меня, так что предупреждение Эрика было излишне.

И он сбежал по ступенькам вниз на тёмную улицу, запруженную за воротами людьми, пришедшими за слухом, что царь умирает. Но и на большом крыльце было немало людей, стража, служки, дворовые, все слышали наш разговор, царевичи никогда не стыдились говорить при смердах, не считая их уши людскими.

Вот так и начали расплзаться и свиваться в витиеватые картины слухи, а потом превращаться в легенды. О том, что я могу парить над землёй, к примеру, и о том, что Эрбин

может исцелить от любой хвори. И особенно, о нашем бессмертии...

...И вот сейчас я очень жалел, что за тысячи лет не приобрёл и тени того дара, которым обладает мой брат, поэтому я лечил странную свою ночную гостью как обычный лекарь, а я за многие сотни лет очень хорошо научился это делать, готовить снадобья, заговаривать, оперировать, утолять боли. Всего этого не нужно было Сингайлу, он может лечить без слов, даже не касаясь, взглядом, и он увеличил свою силу в этом за тысячу лет, мы давно не были людьми...

Так я думал, но пока ходил за умирающей девчонкой, я впервые за многие века снова ощутил себя человеком, будто вернулся в себя... В такого, каким был когда-то, пока был таким, каким она увидела меня, молодым. А ведь вот таким, как это обещала Вералга, меня видит только он, Эрик, другим я всегда являюсь, как хочу, только он видит моё настоящее обличье, неизменное столько сотен лет. И вот второй человек, кто увидел меня мной. Может быть, на пороге смерти она стала зоркой эта девочка, так же как смогла пройти мои препоны и войти в мой дом? Или я вдали от людей утратил способность отводить глаза?

Вот сам Эрбин личин не имеет, он только он. Потому ему, живущему среди людей, приходится уединяться, уходить на поколение от глаз, чтобы вымерли те, кто его помнил и, вернувшись снова прожить среди людей ещё лет двадцать-тридцать.

За эти недели, что она болела, я хорошо разглядел её, я увидел, как истязали её чудовища, которым я по недомыслию своему позволил уйти от моего возмездия, я увидел, как её били, и не один час. Как держали и связывали, грубые верёвки содрали кожу с запястий и лодыжек, как были содраны её пальцы и руки до локтей, когда она дралась с ними, но они были сильнее, их было несколько человек. И...

... да, мерзавцы даже не стали ждать, как велел им Сил, сутки, пока вернётся. Я услышала, как они сговаривались:

– Давайте помнём девчонку, не то вернётся сам и её вусмерть укатает, нам так и не достанется сладкого Мареева пирога! – громким шёпотом сказал один.

– Дак Ветровой головы поотрывает, если придёт, ты што?! Он может, я на охоте видал! – возразил второй.

– Откуда он узнает-то? Скажем: сбежала и делу конец. Натешимся и в воду, как он хотел. Байкалу всё равно, примет и не отступит.

Услышав этот тайный разговор, я поняла, что напрасно решила подождать, пока перестанут трястись колени, и не убежала сразу, едва Сил вышел из горницы, не думала я, что они решатся послушаться своего господина... Я вскочила на ноги, качнувшись от слабости, потому что почти два дня я не ела, и пережитые муки с этим злым Силом совсем отняли у меня силы, будто он высосал их из меня. Я быстро оделась, они были в соседней горнице, моя же должна, думаю, выходить куда-нибудь в коридор, не знаю, где я, но главное

сейчас уйти от них, пока не пришли сделать то, о чём сговариваются. Я приоткрыла дверь и, увидев темноватый незнакомый коридор, уже перенесла ногу через порог, как меня схватили...

Я сразу взялась отбиваться, но удар в живот сразу лишил меня дыхания, мне показалось, что в моём животе разорвались все бывшие там жилы, я ослепла от этой боли... и не чувствовала несколько мгновений, как, схватив за волосы, меня потащили куда-то, а после...

Чувствовать то, что делали эти безликие чудовища, я не могла себе позволить. Если Сил был ужасен, эти были ужасны и омерзительны втройне. Они смердели отвратительной вонью своих ртов и тел, он был жёсток, но он не ударил меня ни разу, только сжимал и выгибал моё тело так, как ему хотелось, чтобы добиться, чего хотел, но эти, грубые и злобные шакалы, подбирая его крошки, буквально вырывали куски плоти из меня...

Поэтому, думаю, они оставили меня без присмотра, когда, натешившись вдоволь, срезав волосы на моей голове так, что едва не сорвали и кожу вместе с волосами, отправились в соседнюю горницу выпить и закусить, прежде чем прийти и прикончить меня или продолжить, не знаю, что хуже. Конечно, я не должна была и выжить после их издевательств и избиения, даже встать не должна была быть способна и мне сложно передать, какую боль я испытала, заставив себя не умереть здесь, но подняться и всё же выйти в потайной

ход. И тихо-тихо пробравшись мимо всех стражников, которые, конечно, вернули бы меня моим мучителям, добраться до лестницы, приведшей меня чудесным образом к чёрному выходу и через конюшню, между тёплых, густо пахнущих крупов сытых царских скакунов, я смогла тихонько выйти на задний двор и побежать по темноте к улице.

Конечно, я могла бы пойти к Марею, и первым, что я хотела сделать, было именно это, но я вспомнила слова Сила о том, что он подарил меня ему... Если он способен был после того, как столько раз говорил мне о любви и доказывая эту любовь каждое мгновение даже нежными взглядами и словами, не то, что подарками и ласками, если после этого он мог просто отдать меня, как обычную вещь, то чем теперь царевич Марей поможет мне?.. И я даже догадывалась, почему Марей так поступил: Сил хотел посватать ему свою дочь. А Сил самый богатый вельможа в Авгалле, едва ли не богаче самого царя. Марей при всех своих восхищавших меня достоинствах, всё же очень любил золото и надеялся при помощи богатства преумножить богатства Авгалла, завоевать соседние царства и начать объединять земли, чтобы создать новое единое царство, как было когда-то в древности, когда царство было едино по всему берегу вокруг Великого Моря...

Марей часто говорил об этом. Потом мы даже вместе обсуждали эти его планы, рисуя на картах границы теперешних царств и то, как следовало бы действовать, чтобы соединить

некогда Великое царство. И он очень радовался, что я поддерживаю его мечту. Только я считала, что объединять надо не войной, не принуждая. Так и говорила ему.

– Насильно любить не заставишь, станут ненавидеть, и... вот замуж девушку, чем берут? Любовью.

Он лишь усмехался:

– Золотом тоже отлично берут.

– То ненадёжно всё, – возражала я. – Надоть так, чтобы сами видели, что вместе быть легче. Тогда навсегда получится, никто не разобьёт.

Марей поглядел долго, обнял меня ласково.

– Отец не принимает всерьёз мои мысли об этом. Насмеяется, обзывает глупым жеребёнком с коротким хвостом... – он вздохнул, посмотрел на меня. – Станешь моей царицей, Аяя? По любви? Вместе мы ухитим всё.

Я соглашалась, смеясь, не очень-то мне верилось, что кто-то ему разрешит взять меня в царицы когда-нибудь. Сам он, как мне казалось, говорил искренне... казалось.

Казалось, Аяя... Всего лишь казалось. Ты хотела верить, что тот, кто купил тебя у твоего брата, сам не продаст и не подарит другому. Ты верила, потому что хотела верить, что за словами избалованного юноши, заносчивого царевича искреннее чувство, а не ложь, не игра. Столько раз видела, как он легко и весело обнимался с множеством других девчонок, и всё же это не трогало тебя, ты полностью была убеждена, что его отношение к тебе особенное, продолжала верить, что

он любит только тебя. Все девчонки такие... те тоже, наверное, слышали от него о любви. Да что ж «наверное», конечно, слышали.

... ну вот, открыла глаза. Звала во сне какого-то Маррея, плакала... имя какое-то знакомое. Теперь уж точно спала, уже не без чувств. Поправляться, наконец, стала, птичка нежная. Завтра к утру, надо думать, совсем очнётся.

А ведь как тяжело болела, страшно избили девочку, не понимаю вообще-то, как она могла пробежать много вёрст босая от города сюда в скалистый лес, а пробежать с таким: рёбра смяли, сломали ей, повредили запястья, в живот излилось изрядно крови из разорванной селезёнки или сосудов, не знаю теперь, как она, преодолевая боль, дошла сюда? Да и помереть должна была после. Семь дней лихорадка распекала её, трусила к ночи, заливала испариной к утру. Потом жар начал отступать, как и лето за окнами. Чем ближе были осенние прохлады, тем прохладнее становилась и моя болезненная. И вот спустя пять недель, похоже, уснула вполне нормальным сном. Теперь, надо полагать, проснётся здоровая.

Так и вышло, когда я вошёл со двора, уже умытый и свежий, утром на дворе прохладно, роса выпала на траву, ещё немного инеем будет за ночь братья, я увидел, что моя гостья сидит на грубо сбитом, но крепком ложе у стены.

Увидев меня, она улыбнулась и, подняв одеяло повыше на груди, хотя и была в рубашке, сказала:

– Огнь... что это я? Сомлела? – она спустила ноги на пол,

но ложе высоковатое для неё и маленькие её ножки с тонкими лодыжками не достали до пола, она вытянула пальчики, пытаясь нащупать пол под ногами. – Голова кружится как...

– Чего же спешишь встать? Лежи пока неможется.

Она смутилась немного:

– Так я... э-э... По нужде мне надо... – и опустила взгляд на грудь, пощупала себя под одеялом. – Рубашка на мне другая... и штанов нет. Ты... переодевал меня? Или, может, как с горшком...

Я тоже смутился немного, спросила тоже мне, переодевал, конечно, и подмывал и ходил, как за младенцем, что было делать...

– Ну считай, что как с горшком, – глухо проговорил я, признать, что я переодевал её, рассматривая кровоподтёки, оценивая и обрабатывая раны, я не хотел, тем более что заодно я хотел рассмотреть её наготу. Надо сказать, с удовольствием. И волнением.

Она вздохнула, хмурясь, накрыла розовые, с уже зажившими ссадинами колени одеялом.

– Я грязная, я теперь... – с отвращением проговорила она. – Хуже канавы, Огонь, вот что, – и вывернуло её на пол, едва ножки успела подогнуть, не обрызгать. – Ох... ты прости, уберу я... – со слезами в голосе проговорила она.

Я сел на лавку рядом с кроватью и сказал, серьёзно глядя на неё, мне хотелось, чтобы она услышала мои слова, почувствовала даже их, поняла, что я искренне говорю и гово-

рю правду, как думаю.

– Золото и в канаве золото. А ты... Никакая грязь не пристанет, если человек внутри чистый. А ты чистая, помни.

Она заплакала, закрываясь локтем, забавно, как они, девчонки, привыкают в локоть плакать, пышные рукава рубашек хорошо впитывают влагу.

– Нет, нет! Какая там чистота... когда такое... ох... – прохлюпала она из-под локтя

Э, нет, это плохо, телесная хворь отступила, так она от душевной днесь помирать начнёт, беда с одухотворёнными... Нет-нет, этакого допустить нельзя, с тоски заболит, уже не вылечишь.

Я взял её руку в свою, и наклонился, стараясь заглянуть в громадные тёмные глаза, в самые отверстия зрачки.

– Я сделаю так, что ты забудешь всё, что было с тобой до сегодняшнего дня. Всё забудешь, поняла? Помнить будешь только хорошее, если оно было там. И меня.

Она подняла голову:

– Тебя? Так не прогонишь меня?

Я засмеялся:

– Куда там, я теперь привык, что кто-то в моей избе сопит да ворочается, скучать стану...

– Шутишь всё...

– Шучу-шучу. Как зовут тебя? – я заглянул в самые её зрачки, нагибаясь ближе к ней.

– Аяя.

– Всё забудешь теперь, Аяя, слышишь?

Я знал, что от моих увещеваний и силы, что я переключил и направил на неё, она сейчас обессилит, а потому был готов поймать в свои руки и уложить снова на подушки. Я делал так раньше, помогал людям забыть страшное горе, чтобы они могли продолжить жить. Вот и Аяя теперь не вспомнит с такой отчётливой болью, что было с ней до того, как она прибежала ко мне. Будет считать, то всегда жила здесь.

Получалось, что я присвоил себе эту девчонку. Что ж, стало быть, так тому и быть. Не зря, выходит, судьба привела её ко мне...

Но проходили дни, совсем сошли отёки и синяки с её лица и тела, и я увидел до чего она, оказывается, красива. Ой-ёй-ёй... даже так, без волос и одетая поначалу в мужские, висевшие на ней, как на палке, одежды, она оказалась красивее всех самых красивых женщин, что я видел и помнил в своей жизни. Утончённые и совершенные черты её лица, белая кожа, такая, как если в молоко уронить каплю крови, не «кровь с молоком», но молоко с кровью... И изящная гибкость её тела, были так редки даже среди красивого народа, живущего по берегам Великого Моря, славного разнообразной красотой, что я начал ловить себя на том, что смотрю на неё всё время, что хочу лишний раз взглянуть, а то и коснуться. Что её голос и смех кажутся мне самыми чудесными звуками на земле и за мои тысячу лет ничего восхитительнее я не слышал. Дошёл я вскоре до того, что начал видеть её во сне...

Я влюбился, вот что... Я не влюблялся тысячу лет. То есть после Леи я пустился в приключения с женским полом, чьи наиболее слабые представительницы падали в мои объятия без всяких усилий с моей стороны. Выяснилось, что существует большое количество женщин, готовых сблизиться со мной, едва я пожелаю. После нескольких сотен таких сближений я запил, потому что в своей душе не чувствовал ответного огня, напротив, мной овладело опустошение и злость, обернувшаяся холодом. Моё сердце, сверкнув первоначальной искрой, тут же гасло, а солома в женском сердце уже занялась и, ну дымить... Я задыхался от этого дыма, заполнившего теперь мою жизнь вместо учёбы и наук.

Потому мне захотелось погасить это пламя вином. Благо им можно было затопить не только моё сердце, бьющееся так спокойно и умеренно, что мне с самим собой становилось скучно. Любой другой и умер бы от того количества крепкого зелёного вина, что я в то время влил в себя, но не я, нет, хотя иногда мне казалось, я уже между этим миром и тем...

Ко мне даже Эрик заявился, умоляя:

– Слушай, мне всё равно, из-за чего ты взялся пьянствовать, дурак патлатый, но мне дурнота надоела. Ты как моя половина, ты пьёшь, у меня похмелье... – хмурясь, сказал он.

Я захохотал, так забавно оказалось, что я ему мстил, даже не подозревая, что делаю это.

– Хохочет ещё... – нахмурился Эрик, вставая. – Волосню

тоже для баб отрастил, чтобы прельщать ловчее? – сказал он, подойдя ближе и разглядывая мои отросшие, действительно, ниже плеч волосы. О красоте я и не думал, выросли, потому что я цирюльников гнал спяну. – Ишь какие хорошие волосы у тебя. И вообще выдурился... а я-то всё думал, ты против меня сморчок-сморчком. Так нет, и здесь взял своё, чёрт переверни тебя!

Он впервые сказал так о моей внешности, которую я и сам считал весьма невзрачной, это его удивление и меня заставило посмотретья в зеркало, которое имелось в большой зале дворца, где праздновали и пировали, а зеркало, сделанное очень давно по какому-то древнему знанию, призвано было увеличить радость, удваивая в своём отражении, поэтому тут никогда не проводили тризны. Подобное зеркало стояло ещё в покоях нашей с Эрбином матери. Оно переходило по наследству от царицы к царице. Кстати, после этого дня, я заинтересовался искусством изготовления зеркал и изучал его долго, выискивал, что было написано об этом, что рассказывали мастера – стекольного дела. И очень много чего почерпнул, оказывается, множество возможностей таят в себе молчаливые отражающие предметы, свет и весь наш мир. Очень серьёзно нужно относиться к зеркалам.

Так вот правдивая поверхность меня не обманывала, я оглядел себя со всех сторон, но так и не понял, что особенно-го нашёл Эрик во мне против прежнего, что могло так нравиться тем женщинам, что так охотно сближались со мной,

всё было то же, просто я повзрослел.

Так женщины мне уже наскучили, сделавшись каким-то одним и тем же скучным человеком, но вскоре я тоже женился, потому что мужчине в двадцать лет положено быть женатым, чтобы не прослыть холостым, что совсем уже как-то позорно. Так что я взял в жёны Усману, чернокосую с раскосыми длинными глазами красавицу, которая родила мне трёх дочек и восьмерых сыновей. Мужем, я, между прочим, был верным, потому что искать радостей вне супружеского ложа у меня уже не было никакого влечения.

Я опять занялся науками, пропадая день и ночь со знающими людьми и книгами, к сварливому неудовольствию Усманы, которая с возрастом говорила всё больше, а думала всё меньше.

Когда мне было за сорок, и мы с женой выдали замуж всех дочерей и женили всех сыновей, и уже ждали внуков, Усмана как-то спросила меня, вглядываясь с недоверием и даже придижкой:

– Скажи, Ар, ты... с волхователями какой договор заключил? Продал им чой-то? Души кусок али... золота мешок? Отчего ты не стареешь и не меняешься? Ни морщины, ни складки на лице, всё как в двадцать пять, ни седого волоса.

– У моего отца тоже седых волос нет, – растерялся я.

– Потому что и волос почти нет, а у тебя вона – славным шёлком льются, умащиваешь тайком снадобьями добрыми? – нахмурилась она, и правда лоб собирая в морщины.

Ответить было нечего, но и оправдываться не хотелось. Это всё опять из даров Вералги... вернее, из предсказанных ею явлений.

Пришлось хотя бы бороду отрастить. И всё же, когда я хоронил Усману, она лежала в гробу-домовине нормальной старухой, а я стоял рядом моложе моих сыновей. Люди начали шептаться обо мне, и говорили примерно то же, что и Усмана, что я продался чёрным шаманам за вечную молодость. Вот тогда я понял, что надо или уйти прочь навсегда или... научиться отводить людям глаза, чтобы они видели меня таким, каким я хочу. Но на это требовалось время и большие знания. Так что я отправился в путешествие. Я оставался в разных местах на несколько лет, а потом, вобрав в себя мудрость и знания новых мест и народов, и поделившись теми, что уже накопил сам, уходил, оставив золота новым семьям, чтобы искать новой мудрости в новых местах. И за прошедшие триста с лишком лет, я собрал её и записал немало. Можно было и вернуться на Байкал, поделиться, научить людей тому, что теперь знал я сам, использовать новые знания для блага всех, всего моего народа.

Однако, вернувшись, я обнаружил, что царство наше распалось на три десятка с половиной мелких царств. Вокруг городов теперь образовались вместе с сёлами новые отдельные царства. И царями в них мои и Эрбиновы дальние правнуки. А стало наших потомков многие сотни за эти триста с лишним лет, Эрик так и сказал, придя ко мне, обрадованный

моим возвращением, как никогда, надо же соскучился.

– Скука какая-то без тебя, Ар, ни радости, ни злости, так далеко больше не ходил бы, а? – сказал он, раскрыв мне свои объятия. – А то будто култук бесконечный воеет и воеет, сердце точит, душу выдувает.

Я засмеялся, тоже обнимая и похлопав брата, что так радушно встретил меня по спине:

– Соскучился по сарме не то? – обрадованно сказал я. Я и не думал, что он скучает, это было радостной неожиданностью.

– Да, Ар, лучше бури, чем тоска и низкие тучи с холодной моросью.

– С моросью? Да ты что, Эр, отродясь у нас тут мороси не бывало.

– Не бывало, пока ты тут был, однако. И ведь не изменился, так тебя разэтак, красивый чёрт, как и был! А сколько потомков твоих naroslo, Боги! Как гнуса в тайге летом. Почитай, половина тутошних и по эту и по ту сторону Моря – твои.

– Стало быть, вторая половина – твои.

– Мои. И мои ещё на запад двинулись. Твои-то поспокойней будут, пахари да огородники, мои – задиры, али золотом большим прельстить. И новое любят. Так что скоро одни твои останутся.

Я захохотал:

– Ты-то на что здесь, небось, времени не теряешь зря, но-

вые сёла потомками заполняешь!

– Ишь ты, насмешник! Ладно, обустраивайся, увидимся ещё...

Я тогда ещё поселился в городе, где жил и он сам, том, что на острове нашем, где сияла некогда столица, а теперь остался лишь город Байкал. Отец наш умер в своё время, дожив до девяноста восьми лет и на трон сел его правнук, внук Эрика. Но вопреки ожиданию, потому что у всех потомков Эрика было не меньше семи-восьми детей, а иных и по двадцать, детей у него не было, и следующим царём стал мой праправнук, но оказался он пьяницей и глупым наглецом, перессорился с родичами по всему берегу Моря и они, объединившись, смели его с трона, поубивали его детей и разделили между собой царство. А дальше оно снова делилось несколько раз. Вот и дошло до того, что стало их больше тридцати, сколько городов, столько и царств.

– Эрик, невозможно, упадок настал, погляди, – сетовал я брату. – Даже строить, как раньше разучились. Никто уже ни перемещать громадные скалы без помощи мускулов не может, ни шлифовать до зеркальной гладкости. Совсем дикарями станем тут скоро...

Он взглянул на меня остывающим взглядом, губы дрогнули, белея.

– По-твоему, это, потому что я тут был, не ты?! – загораясь обидой, проговорил он.

Поднялся и заходил по горнице туда-сюда, топая по доща-

тому полу большими своими мягкими сапогами. Забрякали кинжалы на золотом поясе, всегда Эрик был щёголь, это я никогда в красоте тряпок смысла не видел, но на праздники и я любил приодеться в вышитую красным рубашку...

– Ты чего яришься-то? – удивился я.

Эрик только досадливо отмахнулся.

– Проср... мы царство-то с тобой, Ар.

– Так Вералга и предвещала.

– А знаешь, почему? – он сверкнул глазами.

– Знаю. Вечность – это очень долго. Как тут жить? Никакой жизни. Ни жены не заведёшь, ни друзей, годы мелькают, все старятся и помирают. Как привязанности заводить? Никакого сердца не хватит.

– И что, до сих пор сердце у тебя есть?

Мы смотрели в глаза друг другу.

– Нет, – выдохнул я. И сел к столу, на котором стояли и наливки, и меды, и соленья и вываренные в сахаре орехи и ягоды, надеясь, что и он перестанет мельтешить и тоже сядет. – Может и не было, Эр, – сказал я, вообще-то ни разу до сих пор не задумывался над тем, что моей единственной настоящей привязанностью был и остался мой брат. – Может быть, это жертва за бессмертие это чёртово.

– И за вечную молодость, – добавил Эрик и сел всё же к столу, прочитав, наконец, мои мысли. – А кстати, Ар, ты как-то странно моложе меня получился...

Мы засмеялись и налили в кубки вина. Так хорошо мы

давно за столом с ним не сиживали и теперь будто позабыли давнюю, казавшуюся уже вечной, вражду.

И правда, после этого довольно долго мы прожили бок о бок без ссор. Из-за женщин мы больше никогда не ссорились. А власть нам теперь не маячила. Так что и делить было как будто нечего.

Даже земли наши начали процветать и объединяться, пока мы жили в мире, урожай стали богаче, и рыбы в реках и море, и зверья в лесах несметно, народу стало прибавляться. Мы попеременно были советниками и лекарями у целой череды царей, давая мудрые советы. Над моим врачеванием Эрик неизменно потешался, но я не обижался, так как он лечить никто не мог, этого не дано вообще никому, так что вольно ему было насмешничать. И, благодаря нам, уже семисотлетним мудрецам, царство наше вновь потянулось к объединению, хотя почти всё из того, что было при нашей юности, при отце, было потеряно навсегда, как строители, могущие силой духа своего строить величественные и огромные дворцы и храмы, как разведыватели золота, будто видевшие его под толщей земли, женщины, способные родить и вырастить по двадцать детей. Таких явлений уже не встречалось в наших краях. Гиганты силы и духа вывелись. Даже настоящих шаманов и волхователей не стало, всё обманщики и шарлатаны. Мы двое с Эриком распознавали их издалека.

– Ты хоть бы научил меня глаза людям отводить, чтобы видели меня так, как я хочу, а не какой я есть, а то прихо-

дятся каждые полтора поколения прятаться лет на двадцать и переезжать по берегу... Ей-богу, надоело, Ар.

– Как? Научи ты меня лечить как ты, – ответил я.

– Сволочь ты какая, – выдохнул Эрик. – Лишь бы себе всё. Да мы мирно жили несколько сотен лет, пока Эрик не решил сам сеть на трон. Честно сказать, меня не волновали эти его планы, я о власти не мечтал вообще никогда, спокойно приняв свой жребий. Но Эрику всегда хотелось властвовать. И теперь его планом было обольщение дочери царя с этой целью. У последнего царя сыновей не было, только дочери.

Самодовольно улыбаясь, Эрик сказал мне, не удержав внутри себя этой тайны:

– Я не дал родиться ни одному сыну у этого Силана Второго.

Я удивлённо взглянул на него:

– Как это? Ты что... Младенцев в утробе... – я не поверил, что он способен на злодейство.

– Да нет, – отмахнулся он, – я так подействовал на него, что он может производить на свет только дочерей. Видал, сколько нарожал, аж двенадцать человек. Вот одну возьму в жёны, я – ближний советник царя...

Я улыбнулся, похлопал его по плечу, пожелав удачи.

Но удача в этом деле отвернулась от него. Царь согласился отдать дочь за богатого вельможу, своего мудрого советника, объявили о скорой свадьбе. И надо было такому случиться – невеста влюбилась в меня. Когда она увидела меня, где, Бо-

ги только знают, я был тогда всего лишь начинающим лекарем при её отце, но она внезапно наотрез отказалась от соватанного жениха и объявила во всеуслышание на всю столицу, весь двор, собравшийся по случаю Летнего Солнцеворота, что в мужья выбрала лекаря Галалия, а советник Сингайл ей не по сердцу и за него она не пойдёт даже под страхом смерти.

Царь вызвал меня из толпы собравшихся гостей, отражавшихся всё в том же тысячелетнем зеркале, по-прежнему стоявшем в этом огромном зале.

– Чем и когда ты прельстил царевну, Галалий?

Я даже рта открыть не успел в бессмысленной, конечно, попытке оправдаться, как безумная царевна выскочила из-за стола и бросилась ко мне, вешаясь на шею.

– В Море брошусь, если не поженишь нас, батюшка! – закричала она на весь дворец. – Я тяжела от Галалия!

Я и видал-то её от силы два раза, ни разу даже не говорил, не то, что... Но оправдаться у меня не было никакой возможности...

Царь Силан Второй поднялся, в возмущении и ужасе глядя не меня, топнул ногой.

– Как посмел ты!? Как дерзнул, несчастный, коснуться царской дочери!? – взревел Силан, срывая голос. И я, по чести сказать, его понимаю, отцу узнать вот так публично о бесчестии дочери – это хуже не придумать. Вот дура-то царевна...

Эрик же, выхватив меч, кинулся на меня, и, учитывая, что я был вооружён только кинжалами, длиной в ладонь, я оказался беззащитен перед ним совершенно. И прежде чем успел выкрикнуть:

– Эрик... остановись, ложь всё!

Он уже рубанул по мне со словами:

– Ну и мерзавец, Ар! Семьсот лет злобу в сердце держал!.. Отомстил?! Получай, проклятый!..

Подняв руку, я попытался закрыться от удара, меня ожгло болью поперёк руки, но и сам Эрик выронил свой меч, заливаясь кровью, схватился за руку, падая на колено, морщась от боли, кровью заливая узорчатый пол...

Сотряслась земля, как и при прошлой нашей драке. Но не просто сотряслась, качнулась так, что все попадали, по стенам нашего древнего дворца, стоявшего без малого тысячу лет, потому что построен он был ещё до нашего с Эриком рождения, по древним несокрушимым никем стенам, пошли расходящиеся трещины и гул из-под земли пошёл такой, что ужас объял и людей и животных. Все кинулись к выходам. Но мы с Эриком, упавшие оба на пол, раненые, истекающие кровью, смотрели друг на друга, невзирая на закачавшиеся стены.

– Какая же ты мразь, Арий, дождался всё же момента, чтобы за рыжую дуру свою отомстить! Да я тыщу раз пожалел, что перешёл дорогу тебе тогда! Лучше бы ты мучился с этой безмозглой бабой! Всю юность мне пришлось рядом с ней

провести! Всё из-за тебя!.. И теперь решил меня ударить в самое чувствительное место! Знал, что последние сотни лет ничего я так не хотел, как этого трона!

Он приподнялся, потянувшись за упавшим мечом, и поднял его левой рукой, чтобы ударить меня снова.

– И себя убьёшь, – напомнил я, уже не обороняясь. Опомнится, он умирать не хочет.

Эрик замахнулся с лютым лицом и тут земля, будто качели ухнула в другую сторону, Эрик упал, роняя меч. Тогда он вытянул руку, растопырив окровавленные пальцы, и я почувствовал, как больно сжалось сердце у меня в груди, останавливаясь, замедляя ход. Впору взвыть. Но первым взвыл Эрбин и заорал, убирая руку, боль сразу распустила узел. Так это Эрик наслал эту боль...

– Будь ты проклят! – завопил Эрик. – Даже убить тебя не могу, как другого! Но я придумаю! Я найду способ, поганец! Берегись!.. Слышишь! Берегись, брат! Подлый...

Половина стены вывалилась наружу, вторая стала крениваться внутрь, со сводов сыплются обломки, сейчас завалит Эрика, я кинулся к нему, чтобы сдвинуть. Мы отлетели вместе, он оттолкнул меня, морщась от боли в раненой руке.

– Жизнь свою спасаешь, мразь! Вон, гляди, твой золотой трон разломился! Не сиживать тебе на нём!

Мы оба увидели, как на трон упал кусок стены и раздавил в жёлтую лепёшку, навсегда погребая под собой. А земля наклонилась снова. Но уже не качнулась, а накренилась,

как тонущая лодка.

– На улицу давай! Не то, как трон этот здесь останемся...
– я потащил его к выходу.

– Конечно, лишь бы самому свою спину гладкую выручить! – зарычал Эрик, опять пытаюсь оттолкнуть меня.

– Твоя мохнатая жопа, тоже дорога мне, придурок чёртов! – ответил я, злясь на него, и потащил его на волю, двойной кровавый ручей тянулся за нами.

– Гад! Вот же гад... – продолжал рычать Эрик.

– Да пошёл ты! – рыкнул и я, выталкивая его под солнце.

Оказавшись на воле, мы увидели, как наш остров и вправду стал похож на лодку, уходящую под воду. Восточный его конец уже погрузился в воду и волны, как злобные челюсти, ощерившиеся белой пеной, поглощали, заглатывая всё большие куски суши...

Я обернулся на Эрика.

– Видал, что ты злобой слепой своей наделал... – прокричал я, пытаюсь перекрыть голосом грохот и гул, овладевшие пространством.

Но Эрик и не думал признавать, что его злоба расшатал всё это.

– Я?! – выкрикнул он. – Так это я виноват!? Не ты, пустообрёх ты, бабий подыубник! Понравилась невеста моя?

– Понравилась, чего там, – сказал я, уже в изнеможении. – Не хуже других.

Он замахнулся опять...

Словом, мы и бежали с гибнущего острова, вместе со всеми, и дрались по дороге. Остров же ушёл на дно, как и не бывал...

И к ночи мы, все, кто спаслись, стояли на чёрном берегу, на котором не было ни огонька, а волны, будто обрадованные, бушевали, сомкнувшись над нашей бывшей столицей, и перешеек, по которому мы все перебежали на большую землю, остался кургузым обрывком, выступом в Море...

– Не попадайся мне больше на глаза, Арий, – проговорил Эрбин, не глядя на меня и уже без сердца. – Тебя убить сложно, но я способ найду. А пока стану твоих потомков уничтожать. Одного за одним, одного за одним. И сотнями, и тысячами.

Я посмотрел на него, в темноте ночи не светили даже звёзды, небо заволокли тучи, погромыхая, того гляди разразится и небесная буря.

– От своих-то отличишь? – спросил я, зажимая всё ещё кровоточившую руку ладонью и не веря его обещаниям, данным по злости.

– Отличу. Али сомневаешься, что я это могу? – твёрдо произнёс он, и обернулся ко мне.

Боги, Байкал, на твоём берегу говорит этот всемогущий человек, ты это слышишь? Ты позволишь такому вершиться?

– Ты в своём уме? – не веря своим ушам, проговорил я. Мы много враждовали, ругались когда-то, но намереваться

сделать то, что говорит Эрбин сейчас... Он не был злодеем раньше...

– Как никогда раньше. И не приближайся больше. Учти, я тебя в любом твоём лисьем обличье узнаю.

И он свою угрозу взялся воплощать. Вплоть до того, что насылал хвори на целые сёла. А они собирали золото, чтобы кудесник Сингайл избавил их от напасти. И он избавлял своей магией быстро и просто. Если просили меня, мне приходилось учить лекарей, как бороться и отгонять заразные хвори, это сложно и долго.

Вот так и жили мы последние триста лет. Многие поднялись и ушли с берегов Великого моря в поисках новых земель, новых богов. Не могу сказать, что не способствовал этому. Очень многих я увёл лично сам и на новых местах, далеко отсюда образовались новые селения, потом начали расти и новые города...

Но сам я возвращался назад всегда. Как Эрбин не мог жить без меня, так и я не хотел оставить его, опасаясь, что тогда на берегах не останется ни одного моего прапра – много раз правнука.

Вот почему, как бы мне не хотелось, но оставлять девочку Аяю, не стоит. Если Эрбин прознает, что я живу не один, ей конец... А если поймёт, что моё отношение к ней по непонятной причине совсем необычное, впервые за тысячу лет такое, то и гибель её будет ужасной. Только, чтобы мне было больнее. Такой возможности насладиться Эрик не упустит...

Глава 5. Эрбин и зло

Мой брат рассказывает очень складно и получается, я злодей, а он весь в белых ангельских перьях. Нет и нет. Тысячу лет и ещё шестнадцать мы живём на этой земле, не старея, не слабея. Даже не уставая и не остывая душами, как ни странно, потому что многие обычные люди ледяными становятся уже годам к тридцати. Хотя немало людей и рождаются с мёртвыми душами, хотя Арий, чёртов мечтатель с неистребимой верой в добро, уверен, что родятся все совершенными и только потом под влиянием воспитания, родителей или их отсутствия, учения или нет, становятся теми или иными.

Я же иного мнения. Я гораздо больше времени провожу среди людей, хотя мне и приходится на время уходить, чтобы никто не догадывался о моём бессмертии и вечной молодости, странном даре, обрушенном на нас двоих когда-то кудесницей Вералгой. А проклятому вероломному хитрецу Арию уходить не надо, он может представиться кем угодно, и мужчиной и женщиной, хоть ребёнком, умение отводить глаза людям было одним из первых талантов, проявившимся у него.

У него всего всегда было больше. Наш отец всегда выделял его, смышлёного и быстрого, наша мать любила его, хитрого ласкового лисёнка, больше меня, неловкого и угрюмого временами. Учителя нам всем его ставили в пример, а он

никогда не готовился к урокам и не упражнялся, в то время как я до изнеможения и головной боли зубрил и тренировался, Арий ложился спать и наутро отвечал так урок, что мне казалось, это он учил, а не я, или он воровал знания прямо из моей головы. Но ещё изумительнее было то, как он запоминал всё с одного раза и навсегда, и через много сотен лет он помнил то, что узнал в детстве, приумножив и углубив прежние знания.

И весь он всегда был гладкий и ладный. Не было на нём прыщей или пятен, волосы блестели как лепестки куриной слепоты, только цветом были русыми, как и мои. И с возрастом, никакой звериной шерсти не выросло на нём, в то время как я оброс ею как медведь. Я надеялся, он отстанет в росте или в силе, если уж он такой умный, чёрта с два! Он стал крепок и силён, как и я.

Девушки рано стали заглядываться на меня. И я сразу же воспользовался этим, потому что к женскому полу был неравнодушен, сколько себя помню, может быть, потому что всегда страшно ревновал мать к Арию. Но вы думаете, я стал спокойнее и удовлетворённее, узнав радости женских ласк в четырнадцать? Ничего похожего. Первая же моя подружка спросила меня об Арике... И другие спрашивали, мерзавки, спали со мной, а интересовались им. И взгляды, которыми они сопровождали или искали его рядом со мной, тоже не ускользали от меня.

И вот он, который до сих пор был олухом, даже царём олу-

хов, влюбился. И в кого, Боги... Чем его взяла эта Лея, не понимаю до сих пор. Конечно, я не упустил возможность отомстить ему за всё, хоть немного уколоть, уязвить его.

О, я достиг цели... Этой его яростью, я буквально упился. И, хотя мы дрались и будто бы били не друг друга, а самих себя, всё же это было впервые, когда Арик обнаружил слабость. И мне показалось, его сила перетекает в меня в эти мгновения...

Я не поверил Вералге, тому, что она предрекала нам, я, как и Арик изумился тому, как повела себя природа из-за нашей драки...

А потом он ушёл на долгие сотни лет. Где болтался этот малохолдный мерзавец, он никогда так и не рассказал, но, честное слово, в его отсутствие я чуть не подох с тоски. Поначалу я должен был коротать век с его Леей, которая осточертела мне в первые же десять дней после свадьбы. Но прожив с ней пять или шесть лет, я стал всерьёз задумываться над тем, чтобы убить её. Правда-правда, можете начинать ужасаться... Да, я хотел убить её, тем более что она рожала мне только бестолковых дочек, таких же бестолковых и рыжих, как и она сама. Что вы думаете, я сделал? Убил её? Нет, конечно, я просто её не спас, когда у неё начался выкидыш во сне, я позволил ей умереть от кровопотери...

Правда оказалось, что хотеть кого-то убить и сделать это, это не одно и то же. И я промучился угрызениями совести, страшными снами, и невозможностью относиться к са-

мому себе по-прежнему несколько десятков и даже сотню лет. Иногда мне даже казалось, что Лея приходит ко мне и вопрошает: «За что? разве я мало любила тебя? За что? за что? за что?». Это «за что?» изводило меня во сне и наяву.

И от этого, от этой тоски даже погода здесь на Байкале стала вопреки обыкновению хмурой и холодной. Наши урожаи не вызревали и люди начали умирать, а новые перестали рождаться... Наш счастливый и красивый многочисленный народ сократился вдвое.

Но однажды я нашёл способ прекратить это. Я так ненавидел мою бывшую жену, все без исключения дочки которой умерли бесплодными, я так ненавидел её и то, что я поддался, своей зависти и отбил её у Ария, что взмолился Богу Солнце и попросил его открыть мне тайный путь и способ заглядывать за Завесу Смерти.

Во сне мне был ответ.

– Это дорого стоит, великий Эрбин. Это очень редкий дар.

– Обменяй его на мою способность врачевать.

– Это не в моей власти, врачевание – это твоя суть, твоя природа. Но готов ли ты лишиться чего-то, чего не осознаёшь, чем не дорожишь?

– Я готов. Я уже слишком дорого плачу.

– Ты ещё не знал настоящих мук, – медленно растягивая слова, проговорил он.

– Моя совесть выросла больше моего самолюбия.

– Я не о совести говорю, Эрбин. Я говорю о муках серд-

ца. Ты готов принести в жертву своё холодное сердце, чтобы навсегда заткнуть свою совесть?

– Никакого у меня нет сердца!

– Именно! Но оно может однажды появиться, когда ты совсем не будешь готов к этому. И к этой сладости, и к этой боли.

– Мне плевать! Только позволь мне научиться ходить за грань и говорить с теми, кто там.

Молчание. Я повторил свою мольбу. Но опять молчание.

– Попроси Байкала. В твоём краю он сильнее всех.

– Нет никого сильнее Солнца на всей земле!

Смех сотряс и воздух, и землю, хотя звучал только в моей голове, скорее даже в моей груди.

– Как ты умён, Эрбин. Умён и хитёр. Хорошо...

И всё. Проснувшись утром, я думал, я всё видел во сне или Солнце действительно услышал меня и снизошёл, чтобы говорить со мной. Но я понял очень быстро. Я дождался следующей ночи, чтобы в наступившей темноте сосредоточиться и...

Я не увидел ничего глазами. Но я видел всё так же ясно, будто вспоминал. Я увидел Лею такой, какой она была, когда только приехала в столицу.

– Ты слышишь меня?

Она молчала.

– Слышишь, я уверен, иначе я не мог бы говорить то, что говорю своим сердцем, холодным, как сказал Солнце.

Молчание. Но я, не смутившись, сказал:

– Не смей приходить и терзать меня. Ты сделала свой выбор, когда поддалась мне и предала Ария. Он любил тебя, я – нет, и ты это знала. Но твои подружки и дворовые девки много рассказывали тебе обо мне, и тебе стало любопытно. Ты сломала себе жизнь и разбила сердце моего брата из глупого тщеславного любопытства.

Она молчала, опустил лоб, будто на нём рога и она сейчас бодрнёт меня.

– Ещё раз придёшь, я найду способ навсегда тебя уничтожить. Даже в том мире, где ты сейчас...

Да это оказался очень дорогой дар. Быть живым и при этом своим в Царстве Мёртвых, это почти что владеть миром. Но я не часто пользовался им, потому что это на меня нагоняло тоску. Жить вечно и тосковать, это чересчур... Нет-нет, вечно жить надо счастливо.

И я зажил. И вскоре Арий вернулся. Чего только он не нахватался в дальних странах. Каких только знаний не притащил в своей поразительной голове. И умирающие ремёсла в нашем Байкале, пришедшем в упадок, начали развиваться снова, и появились мастера удивительного таланта. Правда, таких волшебников, как раньше больше не было. Мне даже казалось, что наша с Арием сила происходит от того, что мы получили то, что раньше давалось многим, а теперь только нам.

Арий, чёртов приверженец счастья для всех, даже за золо-

том не гонялся, он находил самое большое удовлетворение в том, чтобы снова вернуть стране процветание и объединить её.

Но я знал, что кусками руководить исподволь проще, поддерживать тлеющую вражду и рознь и не давать соединиться народу, который был суть одно, а теперь всячески отдалялся один от другого. Этому я очень способствовал всеми подвластными мне способами. Мои люди не всегда даже знавшие, кому они на самом деле служат, имелись в каждом городе и везде рассказывали об исключительности именно этого места и именно этого города относительно всех остальных. О том, что тут живут особенные люди, не такие как в других и далее и далее. В результате города разъединились, основываясь на таких мелочах как застёжки на рубашках, преимущественные цвета в вышивках, две косы у девушек или одна, красный кушак или малиновый, сажать хлеб и брюкву, начиная с левой стороны поля или с правой, идти на охоту с чётным числом стрел или нечётным... Бесчисленные, ничего не значащие различия.

И только Арик не замечал и даже подумать не мог, что это я противодействую тому, чтобы все снова жили вместе и в мире.

Когда же я задумал стать царём и по какой-то глупой слабости, потому что верил в его чистоту и простодушие поделился своими планами, а он не только похоронил их, но и потопил всю столицу на дне Моря...

Вот здесь сердце и разум мои не выдержали. Он переиграл меня. Как всегда, ещё с детства, когда оказывался во всём успешнее, лучше, умнее, веселее, легче и, в конце концов, любимее всеми, он ещё и смог провести меня. Притворялся благодушным дурачком и при этом подготовил моё падение так, что я даже подумать не мог...

Всё, что мне хотелось, это прикончить его. Чёрт с ним, умереть, но убить и его. Но явились мать и отец с той стороны и...

Никто не умер. Мы снова продолжили жить. Но теперь я уже не пытался делать вид, что я всё тот же идиот, за которого держал меня мой братец.

Я загнал его в леса в скалах, откуда он спускался теперь реже, чем весна сходит на нашу землю. Я поселился поблизости, потому что, как и прежде я должен временами прятаться от людей на пару поколений, чтобы снова вернуться и продолжить идти к величию и власти. Теперь со мной не конкурировал никто. И его жалкие попытки противостоять мору то тут, то там насылаемому мной, только и напоминали мне о его существовании.

Я всё же скучал порой. И посылал к нему разнообразных лазутчиков и соглядатаев, чтобы знать, как он живёт, че, что делает. Но хотя толку от них было немного, им удавалось проникнуть не далее, чем подойти к границе двора. Но и оттуда они наблюдали за ним и видели не так мало, хотя намного меньше, чем хотелось бы мне...

Глава 6. Отверз очи

Вот именно этих соглядатаев я так опасался. Вот именно поэтому я и решил отправить Аяю от себя подальше, пока её не приметил Эрбин. Так я и сказал ей, когда она совсем оправилась.

Наша жизнь текла очень тихо. Пока она болела, угасло лето, когда Аяя смогла сидеть, тем более свободно ходить, попросила привезти ей тканей, тесьмы, ниток и занялась вначале шитьём, потом и вязанием, потом, не слушая возражений, убрала до сияния в углах мою избу, похохатывая, что настоящую берлогу я завёл, а не человеческий дом.

– Паутина, пыль, ай-я-яй! Грязь жирная под печкой! Домовой обидится и вредничать примется, чё ж думаешь, потерпит? Проказничать станет, вошей тебе в голову напустит, али мышей по углам. Об чём думаешь? Давно бы бабу, какую для уборки завёл, коли самому недосуг.

Я смеялся на это, с радостью оглядывая преобразённое моё жилище.

– Вот я и завёл, похоже. Всё думал, чисто, убирал вроде.

– «Вроде», – смешно играя в сварливую бабу, говорила она. – Такой человек, такой умный, такой ведун проглядливый, баской такой, а грязью зарос, как лешак. Смеёсся, лешак лешаком! На себя-то ни мыльного корня, ни масла с пах-

той не жалеешь! Вона, беленький какой! – засмеялась и она, хлопая меня ладошкой в грудь. Она касалась меня постоянно, невзначай и легонько, как птичка крылышком и меня это волновало всё сильнее, тем более потому, что для неё в этом никакого особенного чувства не было, кроме доверия и спокойствия на мой счёт.

Бывало, что и волосы мои бралась расчесать, увидит, гребень беру, подходила.

– Давай помогу, а то ты спешешь, концы рвёшь, как и вырастил-то такую красу, непонятно...

– Времени много было.

И улыбнётся мягко. Возьмёт гребни, по голове погладит тёплыми да мягкими ладошками и давай чесать, кончиками пальцев оглаживая, распутывая, и завяжет после, перекрестив кожаный шнур многожды.

– А то так походи, простоволосым, я полюбуюсь, красиво, славные волосы у тебя, – и правда смотрела, с удовольствием. Смотрел так кто-нибудь на меня? Были, наверное, но я не помню этого...

Я совсем по-иному стал жить с её появлением. У меня было столько жён, но ни с одной из них я по-настоящему не жил вместе. Рядом, но не переплетаясь. Теперь было совсем не так. Я понимал всё, что она говорит и о чём, я слышал её, и мне впервые было интересно слушать. Только моих разнообразных учителей я всегда слушал с интересом. А тут странная девчонка... И она внимала мне. Многие относились ко

мне с восхищением, даже подобоострастием, кто-то, думаю и с добрым чувством, может и с любовью. Но настоящая близость за всю мою чудовищно долгую жизнь у меня была лишь с Эриком...

И пошитые ею рубашки и мягкие шерстяные вязанки, и носки с рукавицами я носил с удовольствием. И вкушал с наслаждением приготовленные яства. Впервые все эти мелочи стали для меня так приятны и важны потому, что она это сделала своими руками.

Я заметил, что она плохо видит, когда шила, подолгу приглядывалась и свет наводила, от тех ужасных побоев это или было раньше, я спросил её об этом.

– Нет, раньше не было, – бледнея и как-то погаснув, ответила она.

В который раз я пожалел, что не обладаю магией моего брата, чтобы мгновенно излечить её...

И всё же она и шила, и вышивала и вязать взялась с холодами, и до книжек моих добралась, вскоре смогла из избы на волю выходить и припевала протяжные песни нежным негромким голосом, и мне казалось, что половину из них она придумывает, пока поёт. Вот тут-то я впервые и подумал, что, если углядят её подосланные Эрбином шпионы, несдобровать нам.

Тогда и сказал ей, что надо ей всё же убираться от меня.

Мы сидели за столом в горнице, потому что уже давно осень вступила в свои права, на воле суровый ветер гонял

листву, срывая с деревьев, и временами бросал злые и холодные капли в окна и стучал ими по крыше. В печи потрескивал огонь, наполняя избу славным духом тепла и уюта, а мы ели похлёбку из гороха с чечевицей и тюлениной, что я добыл на Море и ладки, что Ая испекла из белой муки.

Она распрямилась, пальчики, державшие кусочек крупитчатого хлеба, задрожали, несколько крошек просыпались на скатерть. Глазища тёмные сделались совсем чёрными. Темно здесь, тени в глазницы ложатся, под губы, под подбородок... лампы надо зажечь.

– Как прикажешь, Огнь, – сказала она, наконец, опустив голову, и собрала кончиком пальца упавшие крошки.

Я почувствовал, что от того, что она не просит больше, даже не спорит, не пытается плакать или уговаривать, как-то ещё канючить, в обычной женской манере, даже не спрашивает, куда я отправляю её, у меня на душе стало совсем скверно. Лучше бы ругалась или плакала. Я бы соврал что-нибудь. А так...

– Аяя, я...

Она кивнула, откладывая ложку.

– Молви, что ж молчать... Ты хозяин здесь, твоя воля, я не ропщу, – так и не посмотрела на меня. – Расскажи, чем не угодила, что такое содеяла неловкое, чего вдруг решил меня прогнать.

Говорит мягко и будто двери в моей душе открывает. А что там?

И я рассказал. Всё от начала и до конца, чтобы поняла – есть у меня супротивник вечный и если мне он не повредит, то она в опасности, оставаясь рядом со мной. Я рассказывал долго, несколько дней на то ушло, потому что много лет, такое невероятное количество лет хотелось, оказывается, поделиться с кем-нибудь, переложить хотя бы часть моей такой невероятно долгой жизни на кого-то ещё...

Но в результате произошло кое-что ещё...

– Так ты... что... ты – Арий? – в конце рассказа спросила Ая, до того слушавшая меня не задавая вопросов, внимательно и молча, впитывая каждое слово. Она даже побелела, открыв рот, глядя на меня.

Что навело её на эту догадку? Я ни разу не сказал, сколько я живу, что могу... Я упомянул лишь, что мы враги с братом, что он живёт с людьми, не отшельничает как я. И что он всё сделает, как делал уже, чтобы мне причинить вред.

Ая смотрела на меня именно так, как должен смотреть человек на какого-нибудь Горыныча.

– Я думала былины о Галалии и Сингайле выдумки, оказалось – нет, а ты... Ты ещё пуще... Ты – Арий?.. Как?.. Как это может быть?.. Тебе что же... тысяча лет? – она смотрела на меня, широко раскрыв свои изумительные очи, пронзительные и затягивающие.

Я пожал плечами, разведя руки.

– Я и сам никогда не поверил бы в такое, – сказал я, выдохнув. Надо же, старался ничего такого не сказать, чтобы

она даже не заподозрила ничего такого...

Но что теперь уже не отвертеться, и я открыл перед нею длани:

– Но вот я перед тобой, и да, мне тысяча лет. Даже тысяча семнадцать почти, я летом родился в самую жару...

– Потому ты... такой... ладный. Совершенный даже, и голос звучит, будто песня льётся... обычные люди не бывают такими... Хотя... – она усмехнулась как-то печально, опуская ресницы. – Люди бывают такие, что и... ангелы от зависти помрут...

Аяя встала из-за стола, взяла ненужные уже ложки, ещё горячий горшок, обняла рушником.

– Да не мой, Яй! – сказал я. – Само всё делается.

Она села на лавку у стены, где у неё лежала книжка у лампы, стоявшей на окне, но ещё не зажжённой, хотя темень от хмурого неба заполнила дом, совсем чернотоп, пока снегу дождёмся всё во тьме... В городе небо яснее, а вот тут в наших горных лесах, путаются тучи, висят по многу дней и сыплют дождём, ветры не сдувают их, как на берегу...

Моя Мурка подлезла под её ладонь и она, немного улыбнувшись и пуша длинные чёрные ресницы, ласково погладила её по спинке, которую та выгнула под её руку и замурчала громко.

– Если бы не книжки твои Огнь, совсем делать нечего было бы мне. Вся работу баальством своим делаешь, – сказала она и посмотрела на меня. – Знаешь, ежели ты не хочешь,

чтобы продолжила сопеть тут и ворочаться, конечно, отвези меня обратно к людям, но подальше токмо, на полдень, на восток не надо, туда боюсь я, там совсем по-иному живут, даже говорят с отличием, не смогу я... Отвези и отдай в какие-нибудь швеи или иные мастерицы, коли возьмут... Только туда, где женщины, куда мужчинам ходу нет.

Она вздохнула, развернулась к окну, и мне стал хорошо виден её совершенный профиль, будто кто-то нарисовал на светлом фоне окошка утончённую изящную линию. Так и глядел бы неотрывно всю свою вечность...

Однако же, увезти сразу же не удалось. Вначале из-за обычной осенней распутицы, потом ещё тянул... Да и потрудиться надо ещё, найти ту ткачиху, али кружевницу, кто возьмёт неизвестную стриженую девчонку в учение.

– Я прилежная, ты им скажи, и умею много, матушка Орея, была добра и всему обучила меня, так и скажешь хозяйке, не объём её, в прибыль буду, – говорила она, когда время к зиме поворотило, и появился зимник, по которому сносно на полдень доехать можно, выбравшись из моего леса.

Я и сани подлатал, на базары и ярмарки в города, да и в сёла я езжу постоянно. Но и по зиме так и не собрался я отвезти её. Доверить Аяю чужим людям, знать бы точно, что не обидят, в новое, какое рабство не отдадут...

– Вовсе я не была в рабстве, Огнь, – удивилась Аяя, разогнувшись от своей работы, услышав это слово от меня.

– Ты же сказала, что тебя продал во дворец твой брат.

Ая улыбнулась. Кивнула, совсем уже весна заглядывала на наш двор, вышла она с корытом, стиранные вещи развесить, потому что ежели пищу готовить я за многие сотни лет научился сносно, то стирка мне вовсе не давалась, чаще я просто выбрасывал тряпьё, предпочитая покупать новое. Это она тут мне и нашла и понавязала всего, одела с ног до головы, я только штуки полотна да шерсти привозил, тесьмы, да ленты и кудели, целые мотовила извела на меня пряжи самой лучшей. До сих пор никто так близко не жил со мной, чтобы заботиться, слуги были в моих богатых домах, так то не забота... И стирала, и гладила, для того я ей рубль со скалкой привёз из Авгалла. Я покупал ей и украшения и много, и даже попросил, чтобы убиралась в них для меня.

– Не обижай меня, радуй глаз красой своей чудесной...

Она улыбалась и не противилась, надевала и монисто, и ожерелья, и браслеты, и кольца на виски, и серьги, а уши-то только богатые и знатные женщины прокалывали под серьги, простые височными кольцами довольствовались.

Вот и качались у её лица эти украсы все, а я радовался, любясь ею. Ни разу с таким удовольствием никого не одаривал.

Я взял у неё из рук тяжёлую корзину с мокрым тряпьём, подержать, пока она станет вешать на верёвку, что я протянул через двор от сараев до амбара.

– Брат продал меня, это верно, но меня только бажали,

нежили и любили во дворце, белоручкой я сидела, только и делала, что училась... – тихо улыбнулась она, достала простыню из корзины. – Поставь-ка, Огонёчек, давай потянем, чтобы ровно высохла, проще гладить будет...

И тянули, смеясь и играясь, потому что я всё норовил проказничать. Так и проходили наши дни. Я сидел над записками и книгами, занимался скотиной, охотился, в том она тоже помогала мне, стреляла из лука метко и нож могла метнуть. Сказывала на моё удивление, что её учили, и она училась с прилежанием. Как и всему остальному.

– Только копьём не овладела я, для копья рука маловата у меня и слаба...

Всё могла и всё делала Аяя. Только что не ткала, для того нужно было кросно, но мне не хотелось везти сюда ещё и громоздкий станок, я просто покупал готовые ткани и меха.

И уборкой занималась каждый преднедельник, отчищала весь дом песком. Так, что изба и даже клеть стали светлыми, белыми. Однажды после очередной уборки, утирая со лба пот локтем, потому что ладони были мокрые, она, оглядываясь по сторонам, сказала мне, только вошедшему со двора:

– Ежли белил купил бы, мы бы тут с тобой красоту навели бы, и скоблить всякую неделю не пришлось бы. А, Огнь? Али в скалах добыть можно, тута есть, я читала.

Я засмеялся, снимая шапку и зипун у двери. И разуться пришлось, чистота такая, толстые чеготья отлично заменяют обувь дома. На дворе я от весенней грязи досок настелил, а

вот по лесу навешал на сапоги грязи, комками... Подумав, я выставил сапоги за дверь, в сени, после выйду, отчищу.

– Читала она... – пробормотал я, проделывая всё это. И, выпрямившись, пригладил волосы, выбившиеся немного из-под шнурка. – Вот это да... Вот, что чудная ты девка, сразу я понял, но, чтобы настолько... Что, про богатства несметные горные наши читала? Ещё про что?

– Так интересно, Арюша! И загадок столько хочется разгадать, одну раскрываешь, а там за отгадкой ещё сонм новых загадок притаился! – сверкнув жадными глазами, сказала она. – Вот ты за столько сотен лет всё изучил, поди, всё ведаешь?

Я улыбнулся:

– Всего, наверное, нельзя. Так что ещё ведаешь?

– И золота здесь в скалах, сколько хошь. Серебра вот нет, – ответила Аяя, как ни в чём, ни бывало.

Нет, не может она быть обычной девушкой. И в руках всё спорится, как ни у кого, и книги все перечитала и у меня, и во дворце немало.

Я посмотрел на неё, садясь на лавку у двери, чтобы по мокрому полу не следить, ради неё я ковров навёз, и все лавки в избе мы застелили ими.

– Краски привезу. Разукрасишь стены?

Она засмеялась, радостно взглянув на меня, и хлопнула в плечо:

– Вот уж это совсем будет здорово, Арюшка!

Что думаете? Привёз я красок и в скалы вместе мы сходили, малахиту нашли, медных окислов зелёных, как смарагд, Аяя прямо загорелась, увидев их.

– Ворваньё разведём, али льняным маслицем и будет краска лучше покупной!

И ведь развела, и, устроившись с плосками с краской и кистями, что сделала сама, сказав, что видала, как «малевали художники» во дворце, взялась за дело.

К лету окончательно преобразилась моя трёхсотлетняя избушка, превратившись из старого, серого от старости, хотя и отчищенного в последние месяцы строения, в расписную шкатулку. Тут появились и завитки с цветами с золотыми лепестками, и птички, нарисованные с таким мастерством, что казалось, сей же час и зачирикает, крылышками взмахнёт и взлетит. И узорами, и украсами, каких я не видал раньше, но какие она и на рубашках мне и себе вышивала.

Вот и сегодня возле лампы сидела, потому что на дворе темень весь день, без лампы в доме совсем тьма. Я подошёл к ней, заглядывая на её рукоделие.

– Это что? – спросил я, увидев удивительный узор.

Она подняла голову, улыбнувшись:

– Это солнышко, вот лучи, видишь, загибаются, как оно по небу катится колесом, – отвечала она, сама любуясь своей работой.

– А это? – указывая на звёздочки, спросил я, глядя какой замысловатый узор она выложила стежками и теперь идёт по

нему быстрой ловкой иголкой.

Днесь ужасная непогода, прямо буря разразилась, пришедший сиверко так мотал ветви деревьев, так пригибал к земле, совсем поклепло, обламывал и бросал их обломки на двор, на крышу, в ставни, что мы и на двор не ходили сегодня, я только добежал до хлева, проверить, как скотина, и вернулся назад, наносил ещё только воды из колодца, чтобы запас был.

Она подняла голову, волосы уже можно в короткую коску сплести, хотя пряди ещё выбивались по сторонам, делая её такой красивой, что и в сказке не сказать...

– Снежинки, Огонёчек, не узнаёшь? – и улыбнулась. – И... звёзды на небе, что ты изучаешь, когда в небо зришь ночами, – она улыбнулась. – Хоть бы и мне когда позволил? Те самые звёзды, что меня к тебе вели, к спасению, светили на дорогу. Волшебные, баальные звёзды, как Алатырь... А ещё матушка и батюшка тоже...

Вот тут я окончательно обомлел:

– Как это «вели»? – проговорил я, холодея.

И улыбнулась сама себе или мне, или своему рукоделью.

– Егда я бежала через лес сюда, всю дорогу видела ясно, хотя, я помню, луны не было в ту ночь, а вот звёзды... – она говорила просто, будто рассказывала, как уху варила давеча. – Я будто сразу знала, куда бежать, где спасение, как дорога высветилась передо мною, только не перед глазами, а... в сердце... И... со мной рядом всё время были моя матушка

и батюшка. И из дворца, из каморы запрятанной, где меня изверги держали, вывели, подсказывали путь, а там запутанно у нас во дворце-то, ох, сколько плутать можно. Бают, что и терялись люди совсем... А они вывели. Иначе не спаслась бы я...

Я сначала зацепился было за «у нас во дворце», но тут же понял, что совсем не это поражает меня в её словах так сильно.

– Что? Как понять? – нахмурился я, совсем теряясь. Что это она такое говорит сейчас?

И опять продолжила, так же выкладывая стежок за стежком, только тише:

– Они умерли... говорила я... Сначала батюшка, самый первый из всех, а потом... потом все...

У неё задрожал голос, пониже она опустила голову, слёзы там в глазах?

– Мой старший брат, как и твой брат, совсем мне не друг, – вдохнув, договорила она. – Он так стремился всегда во дворец... Словом, не знаю, почему, но ему это удалось, когда он меня во дворец продал. Мне было двенадцать в ту пору... Но во дворце за много лет никто меня не обижал. Наоборот... Марей... он... Марей так любил меня. Чёрные люди с изветами и слепящими чарами околдовали его, если...

Она замолчала, и я почувствовал, что она подбирает в сознании то, что хочет рассказать. Голос её задрожал, и подбородок дрогнул тоже, и, когда она опять повернулась к окну,

я увидел, что в её глазах блестят слёзы.

– Я думала, что я... теперь всегда буду счастлива. Вечно. Так... он меня... любил... Он так любил, столько света было... И тепла. И радости. Он ведь... – она улыбнулась, и слёзы простыли у, лицо осветилось изнутри ярче, чем наши лампы освещали избу. – Марей... Он светел как молодой месяц, но... ночь и тьму разгоняет своим чудесным сиянием. Он как ангел... как весенний цветок, полный нектара, как большой сильный и гибкий белый лебедь, как чистый ключ в знойный полдень, он будто куст белого шиповника, он...

Она вздохнула, опуская веки, погасила свет ресницами, как мотыльки гасят огоньки... качнула головкой, будто удивляясь над тем, что говорит.

– Но... неожиданно... всё... оказалось обманом. Как это могло... Что... Опять... отдали. И таким злым людям... Продали или предали отличия нет... И случилось, что ты уже знаешь... Но я как-то... я побежала, и откуда и силы взялись... Вот звёзды и... Матушка... они с отцом подсказывали путь, даже во дворце, там спроста дороги не найдёшь... и в лесу. И если бы не они, я никогда не нашла бы пути к твоему дому.

Вот это уже...

– Погоди-ка, Яй, ты... сказала, что родители умерли... Как ты видела их? Только в ту ночь?

Она покачала головой:

– Нет. Я и до этого видела их. И потом. Да я в любой мо-

мент могу... Я и других вижу и говорю с ними иногда в моей голове, да все это могут, разве нет?.. – она улыбнулась, пожав плечиками, и поглядела на меня.

– Нет, – я покачал головой, изумляясь всё больше, и пытаюсь поймать догадку. Поразительную и невероятную догадку...

А Ая продолжила:

– Они чаще молчат. Но бывает, говорят. Про эту бурю сегодняшнюю говорили вчера. Так и сказали: «Плохая погода, плохие мысли»...

Мне стало не по себе. «Через тысячу лет придёт человек, который будет силой как вы и даже больше...» Это она?! Это Ая?! Она пришла именно ко мне... звёзды её привели. Алатырь. И её мёртвые. Ко мне. Ко мне привели.

Так ведь и не дошёл бы ни один смертный человек. Босиком из Авгалла до моего дома... через лес ночью... До Авгалла ехать верхами целый уповод.

И побои такие были, и босая, по камням, по лесу, ноги до мяса ободрала, а пришла сюда...

– Ты что побледнел, Огонёк? – заметила Ая.

– Ты знаешь, что я скажу тебе? – проговорил я, разом охрипнув. – Ты не обычная девушка. Не такая, как все.

Она пожалала плечами и даже засмеялась:

– Знаю, – и махнула ручкой беззаботно. – Но это... Чепуха Чепуховна! Все это всегда говорили. И злились ещё, – она засмеялась ещё звонче. – Зано-озой называли.

Не понимает, не придаёт серьёзности. Да и откуда ей знать о том пророчестве.

– Ты не просто не такая якость все, Яй, – сказал я, взглядом стараясь внушить ей, что я говорю. – Ты не такая, как все люди. Ты такая, как я. Как Эрбин. Ты – сильная. И бессмертная. Ты – предвечная.

– Ерунда, выдумашь тоже, – отмахнулась она, поднимаясь.

Она нашла себе рубах и юбок из полотна, по моде, что носили на берегу теперь: длинная вышитая рубашка, как летник, а поверх на пояс надевается юбка, состоящая из немного заходящих друг на друга полотнищ из более плотного полотна. Вышивки везде по вкусу и богатству обладательницы и ещё новые какие-то узоры, я даже спросил, а она, улыбаясь, ответила: «Сама придумала, в голову пришли... Нравятся тебе?» Я всегда разглядывал, чего только не было помимо её солнышек и снежинок-звёздочек: олени, птицы, кошки, тигры, и рыбы и коньки... Сама придумала, ах ты, Аяя.

И чулок навязала, даже шубу сшила из пышных лисьих шкур, что я добыл для этого к зиме, а теперь, весной, ходила в жилетке по двору, и платок на голову надевала. К лету волосы совсем отрастут, уже блестящими волнами красиво выются... это я сам себя отвлекаю, в сторону мысли отвожу, чтобы ретивое удержать, чтобы не вырвалось из груди.

– Влегке я вижу что-то, чего не видят другие, – сказала она, поднимаясь с лавки. – Таких много. Ты сам такой

необыкновенный, что просто не знаешь...

– Не много. И не влегке. Не влегке!.. – горячо воскликнул я, чувствуя такой костёр в груди, что в пору на двор, под сиверко охладиться. – В мой дом никто не может войти, даже Эрбин. Ты видишь меня в моём истинном обличье, за все годы это мог только мой брат... Никто больше, только, если я показывался сам.

– Так может и мне показался?! – она обернулась от печи, к которой подошла.

– Нет. И не думал.

– Ночь была, может спросонья, с устатку, – сказала она, перебирая рушники у припечья.

– Нет, Яй, не спал я. Ты с мёртвыми запросто говоришь. Ты читаешь, ты половину книг моих с лета осилила уже. И мои записи...

Она засмеялась, но по лицу я вижу, взволновалась всё же, хоть и не верит ещё:

– А что делать-то ещё? Дел совсем никаких нет в твоём доме баальном, даже за скотиной ходить не надо. В лесу ходить ты не дозволяешь. Только что платьев нашить, даже прясть не надо, ни ткать... Во дворце хотя бы злыдни вокруг, о них думать приходилось.

– Много злыдней, значит? – усмехнулся я.

Сам я в своё время как царевич не замечал особенных интриг, кроме Эриковых мелких укусов. Против меня не плели, сам я тоже заговоров не устраивал. И егда в советниках

ходил при царях, редко кто козни строил. Жили, как жилось, по-простому.

– Хватало. А у тебя в дому только книжками себя и развлечь.

– До глубокой ночи засиживаешься за этим делом. Вона, всё масло извела.

– Ну это – прости, при лучине не сподручно совсем. Да и глаза не очень видют.

– Да не о том я... Что ты всё о мелком, всё хочешь заболтать. Я главное сказать должен: Ты – избранная, предвечная, как я. И... Похоже, что мой долг... Аяя, знаешь, что... Я должен... Открыть всю твою силу, чтобы ты узрела свой путь и себя саму. Для того тебя и привели сюда, вот что.

Она вдруг засмеялась:

– Передумал отправлять что ли?

Я подошёл к ней.

– Всё играешься... То не шутка, Аяя. И не игра.

Она немного наклонила головку и, улыбаясь, смотрела на меня, чуть прищуриив веки, будто хотела испытать меня как-то, всё ещё не верила в мои слова, но так и не придумала.

Часть 2.

Глава 7. Молодой

Да не верила, конечно, чего там. Я в него-то не верила, в то, что он Арий, потому что считала Ария и Эрбина сказкой, как драконов, например. Я читала его книги, что в изобилии, счастливом для меня хранились на полках вдоль стен. И его собственные записки, его рассказы о странствиях и удивительных открытиях, сделанных там.

И всё равно больно чудно всё. Так странно и неправдоподобно, что и не описать...

Ну ладно ещё Сингайл и Галалий. Я готова уже принять, что он говорит. Но чтобы я из ихних...

Если Галалия прозвали Огнем, потому что всегда горит за людей сердцем, в это верили люди, и это оказалось именно так, я читала его записки, большей частью там было о том, как врачевать различные немочи, как избегать болезней и сохранять здоровье. Сингайла всегда называли Льдом, потому что он рассудочен и невозмутим. Лёд на Великом Море и тот трещит каждую зиму, возвещая мир, что Море под ним живо и тепло, но не Сингайл. Он выполнял мольбы людей только за богатейшие дары, за золото и драгоценные камни. Но выполнял быстро и так, как просили. Излечивал царей, деревни и сёла, целые города... В одну ночь приходило избавление. Это Галалий учил, как вылечиться и избежать в будущем повторений напастей, как необыкновенный, но человеческий

лекарь, Сингайл избавлял и всё. Как колдун. Тайно. Окутав загадкой и действия и даже время, когда он это делал...

Я прижалась спиной к тёплому боку печи. И посмотрела на Огня.

– И как ты думаешь это делать? Открывать... мои силы? Что для этого надо?

Он вдохнул, смущаясь почему-то, и краснея. Вот как можно поверить, что этому человеку тысяча лет?

– Солнце призывают некоторые... А нам... Но... я не помню. Я читал когда-то, но... должен ещё поискать, почитать, узнать, как это сделать.

Он вдохнул, будто собираясь с силой, чтобы договорить. И верно, что он молвит сей день, не так-то просто было произнести, а мне принять в мою голову:

– Будь ты мужчиной, я взрезал бы кожу на груди себе и тебе, обнял бы покрепче, раскрыв моё сердце, испуская Силу, и смешал бы нашу кровь, воспламеняя твою, оживляя твою Силу своей, как хворост поджигают факелом...

– Ясно, что я не мужчина, – сказала я. – Как тогда?

Он сел на скамью у печи рядом со мной, пожав плечами. Рядом держится, боится, что убегу? Наклонился, краснея до слёз, потёр лицо ладонями.

– Я много признавал и читал об этом раньше, давно, ещё во времена странствий... Ведал, что должен прийти третий. Но... И... Я почему-то ни разу не подумал, что это будет женщина...

Я смотрела на него.

Он разогнулся и взглянул на меня:

– Для женщин всё иначе.

– Почему?

– Вы иные существа. И мы чувствуем вас иначе, мир, вселенная. Через женщину приходит в мир жизнь... Мужчина – семья, женщина – земля. И не только жизнь. Сам смысл, дыхание жизни... – он прижал затылок к печи. – Да... Аяя, задачка теперь у меня. И бремя на мне... чтобы открыть движения силы во Вселенной, поток, который идёт через тебя. Ежли не сделать сего...

– И что приключится? Помру? – вот это, в самом деле, интересно.

– Аще поток остановится, в мале это убьёт тебя, и других, и даже многих... Не знаю, но ничто во Вселенной не происходит случайно и без своего изумляющего идеального порядка. Если воспрепятствовать течению реки, что будет?..

– Огонёк, а мабуть, ну её, силу энту, а, Огнюша? Свези меня к какой-нибудь кухарке, как собирался, я буду булки да кныши с ней мирно печь всю жизнь, да тебя поминать добрым словом, исполоть тебе моя вечная...

Он повернул лицо ко мне, становясь сразу серьёзнее и старше:

– Пошто готова жизнью рискнуть не только своей и моей, но, может быть, ещё сотен других? А может и тысяч? – проговорил он, дрогнув голосом. – Ты думаешь, твои мерт-

вещи жизнь тебе сохранили и случайно привели тебя ко мне? Именно сюда, а не в кухаркин дом?

Я засмеялась, хотя вовсе не было смешно, наверное, чтобы не было так страшно и не выразить, до чего меня пугает этот разговор... Так страшно поверить в то, о чём он говорит. Я бессмертная, как они? Я и в них-то не верю до конца по сию пору, аще убо это всё чересчур волшебное, чтобы быть взаправду...

– В кухаркин дом те злодеи ворвались бы без препятствий, а твой даже найти не могли, – ответила я, всё ещё надеясь отговориться.

– Именно так. Ко мне привели тебя высшие и все прочие силы. Никто войти сюда не мог и может, а перед тобой дверь сама открылась...

Она засмеялась, но в глазах грусть, искорок нет. Вот такая. То смеётся, то всерьёз, но в глазах грусть. Всё время грусть заполняет тьмой глаза. Всю силу ведь применил, чтобы стереть эту боль у неё внутри, сгладил немного, но не стёр.

– Веси, что я скажу тебе, Яй?.. – выдохнул я, удивляясь, как решился говорить это вслух. Ведь сказал вслух, и чувства обрели плоть и силу. И сидят уже рядом как люди и глядят, и дышат, и пищи просят, как огонь дров...

Я смутился смотреть на неё, снова потёр лоб, чувствуя, как дрогнули пальцы. Когда это я дрожал с девушками?.. Никогда не дрожал. Будто она первая в моей жизни.

Нет, не выпущу пока слова наружу... Пока молчу, вроде ничего и нет.

Аяя посмотрел на меня, протянула руку к волосам, вот сейчас коснётся...

Я улыбнулась, какой же он... сейчас совсем юношей глядит, славный, раскрытый, ясный. Я подняла руку и погладила его по волосам, гладкие и мягкие, чудесные тёплые волосы, как тёплый поток...

– Ах ты... Огнюша... Славный ты, какой славный человек... – выдохнула она, убирая руку от моей головы и как-то сгибаясь, аки из спины выдернули струну.

Мне хотелось обнять её, прижать к себе, и целовать и волосы эти мягкими волнами, и глаза, ресницы длинные, прячут свет из глаз, и шею такую высокую, белую, ключицы красивыми скобками, груди маленькие легонько колеблются под рубашкой от движений, ворот слегка растянуть, он разойдётся – легко добраться, вот они... И губы... Мёд на них. Я не касался, но я знаю... Аяя, ах ты...

Вот когда испытание пришло, сложнее которого ещё не бывало. Как мне его выдержать? Ох, надо выдержать, нельзя сдать. Она из такого ада спаслась... а тут я со своей алкотой до неё...

Я поднялся. Надо подумать, где и как узнать, как открывают Силу в женщинах. Как я не подумал раньше, ведь читал, ещё тогда, егда понял, что Вералга взаправду совершила над нами с Эриком магическое действие, открывая скрытое в

нас. Читал и думал об этом, но после, поняв, что ждать ещё так долго, прочно позабыл и думать об этом. То, что читал и слышал, я в общих чертах помнил, но я читал только о мужчинах, подобных нам с Эриком, и не обратил никакого внимания на то, что бывают и женщины. Даже думать позабыл о том, что та же Вералга была женщиной...

Наверное, потому что она лишь однажды явилась нам, как кудесница и тут же умерла. Не успев ответить ни на один из тысяч вопросов, что тут же родились в моей голове. Мы даже к мысли этой привыкнуть не успели с Эриком.

Так что, ничего я теперь не помнил и не знал о том, как открывать путь предвечным. И смогу ли я? Вералга, помнится, была уверена в себе и действовала с нами легко, будто играючи. Но у неё был её дворец с горницей, вмещающей солнце. А у меня даже книг нужных нет, и где их взять, я пока ума не приложу.

Объехать сопредельные царства в поисках? Но сколько на то уйдёт времени? И оставить Аяю здесь одну я не хочу, везти с собой – ещё хуже...

Значит, надо проникнуть в здешнюю библиотеку в Авгалле. Во дворец. Это задачка, которую ещё надо подумать, как решить.

И сдюжу ли? Хватит ли мне Силы на это действие? Насколько сильна была Вералга?..

Должен сдюжить, ведь привело её ко мне что-то...

Во мне запузырилась радость как брага. И чего я радуюсь?

Ничего особенно радостного, вообще-то мне не светит.

Нет, вем, отчего радость. Это конец одиночества. Эта тысяча лет была испытанием. Мы вдвоём с Эриком и мы порознь. И никого больше, как пустыня и быстро пробегающие мимо тени. Да, как полюбить и привязаться, если сердце едва развернулось, а человек уже унёсся в небытие?

Нет, обманываешь ты себя, Арий. Самому себе врёшь. Со-
всем не в этом дело. Можно было любить. А только закрыто было твоё сердце, как вот дом твой. Никто не мог войти. Она одна смогла, отомкнула все твои хитроумные затворы и вошла. Вернее они сам открылись ей. И сразу же поселилась, будто я ждал, она заполнила собой и мир, и душу...

Часть 2

Глава 1. Марей

Я не поверил глазам, когда, войдя в покои, не нашёл там мою Аяю. За три года и ещё половину лета я, ни разу не было так, чтобы я не застал её. Выну вечером, перед сном, отец призывал всех нас, своих сыновей к себе и беседовал. Эту удивительно крепкую для его лёгкой и весёлой, казавшейся многим несерьёзной натуры, традицию, он завёл, когда мне было меньше трёх лет.

Я старший царевич. Я – наследник, старший сын. Я стану царём когда-нибудь, если будет на то воля Богов и моя собственная воля. Поэтому мне, конечно, было внимания больше остальных. Для чего призывал нас отец? Мне кажется, так он хотел понять, кто я, кто мы все. Потому, что в эти недолгие кусочки вечера перед сном, он не пытался поучать, или проверить, как мы, в основном я, усвоили уроки, запомнили ли то, что учителя вкладывали в наши головы, прилежны мы или нет, нет, у него была своя цель в этом: он, по-моему, каждый день приглядывался, пытаюсь понять для самого себя, как отца, кто мы такие? Что за детей он родил и кому оставит царство и на что?

И хотя наследником был я, но я каждый вечер должен

был доказывать, что я достоин быть наследником. Как? Я не знаю, что именно искал во всех нас и, особенно во мне отец, но с раннего детства я старался из всех сил нравиться ему и быть достойным его трона, старался доказывать каждый день, что жребий стать царём когда-нибудь не случаен, что не напрасно именно я, а не кто-нибудь из моих братьев буду царём. Я буквально лез из кожи вон.

Но немного позже я взбунтовался. Я всегда был строптивым и своенравным, няньки мучились со мной, как позднее наставники, учителя и дядьки, потому что, несмотря на живой и весёлый нрав, природный ум и сметливость, дерзость и нахальство были во мне непреодолимы с самого рождения. Как и обаяние, только тогда я не знал, что это так называется.

Но моя мать обожала меня, именно меня, и никого больше из своих детей. Только ко мне она проявляла ласку, потому что вообще была жёсткой, как снег в середине зимы, когда его высушат и выстудят ветра и морозы и становится похожим на битое стекло, не мокнет и не липнет, только царапает и рассыпается. Все получали от неё, все дети, все слуги, и даже мой отец мог быть «наказан», она могла прогнать его из почивальни, как могла, ругаясь и плюясь, бросать в него кубки, кувшины и всевозможные мелкие предметы. Мелкие отцовские измены, ничего не значащие, привычные, вроде бы, всё же ранили её. Наверное, она очень любила его. И любит теперь, не позволяя появиться во дворце никаким красавицам, которых легко мог получить царь. А вот я, очевид-

но, куда более благодарный предмет её ревнивой любви, был обожаем и обласкан всегда. Только при взгляде на меня её взгляд теплел, и даже менял цвет, из холодного тёмно-серого превращаясь в синий, лазоревый.

И вот я, начав чувствовать в себе силу, захотел сломать и традиции, установленные отцом, просто потому что мне хотелось хоть что-то делать по-своему, а не потому, что они и впрямь были противны мне. Напротив, мне всегда нравилось приходиться перед сном к отцу, и хвастать перед остальными пятью братьями и своими знаниями, и успехами. Я всегда был умнее всех. Всех сильнее, дальновиднее, остроумнее, я подшучивал над моими братьями, над незадачливыми слугами и чадью, и особенно над вельможами иногда довольно едко, но всегда смешно, хохотали все и после вспоминали, хотя, думаю, жертвам моих розыгрышей было не до смеха.

Например, я мог поставить большую плошку с ледяной водой или, напротив, с кипятком, с пахтаньем, а то и с содержимым ночных вёдер на приоткрытую дверь и поджидать в засаде, вместе с созванными мной зрителями, кто же первый откроет её, чтобы потом хохотать над несчастным, кричащим от неожиданности, омерзения, а иногда и ожогов.

Или расстёгивал тайком ремни подпруги, удерживающей седло, едва всадник хватался за луку, вставив ногу в стремя, как валился вместе с седлом на землю под хохот окружающих.

Или подпиливал ножки у лавок.

Или подменивал кувшин с вином на кувшин с уксусом, а то и с лошадиной мочой.

Или задирал вместе с сотоварищами юбки у всех встречных девок, хотя за это нам попадало изрядно...

Угли, подобранные в сапоги, шапки с острыми украшениями, незаметно подложенные под зад, сёдла, вымазанные дерьмом, подложенные в постель бычьи пузыри с мочой, или тайком развязанные шнурки на юбках или штанах, вскоре у всех, бывающих во дворце, появилась привычка, вставая, проверять, завязаны ли шнурки на одеждах, поэтому я стал их срезать, расстёгнутые ожерелья, они падали со звоном, разлетаясь по всему полу, разбивались... Это только то, что мне вспомнилось сходу.

Но все эти шалости были в детстве. Взрослея, я оказался способен плести и сложные интриги, например, против всё время появляющихся откуда-то любовниц отца, чтобы изгнать их из столицы. Если какая-то была замужем, я обязательно устраивал так, чтобы муж получил доказательства измены, и неверную изгоняли из Авгалла. А то и наказывали плётками. И хорошо, если только плети прохаживались по спинам женщин, ответивших на интерес моего отца к себе.

Когда я понял, что золота, положенного царевичу, мне не хватает на мои траты, которые всё росли, потому что я не привык отказывать себе хоть в чём-то, а развлечения и попойки для друзей стоили немало, я не брезговал тем, что брал у торговцев плату за то, что со своими друзьями сжи-

гали или разоряли лавки соперников. Если это доходило до отца, он призывал меня к себе, чтобы задать взбучку. Пугал даже, что отправит на исправление в дальний городишко на север, где холодный ветер Сиверко не стихает весь год. Но мне всё сходило с рук.

Или с вельможами, устраивая им встречу и благоволение моего отца, что стоило дорого. Я мог и обмануть, взять деньги, а потом подстроить всё так, чтобы платившего и вовсе не принял мой отец. Или подмешать в вино на пиру дурманящих капель, и представить соискателя царского внимания полным идиотом и пьяницей. Но с такими штуками я всё же старался не частить, чтобы люди не боялись иметь со мной дело, и не отказывались платить. И всё же все считали, что я взбалмошен и непредсказуем.

Я всегда очень любил девушек и женщин. Их красота прельщала меня с детства. Из челядных девушек, что были при моей матери, я выбирал самых красивых и приветливых и позволял им расчёсывать мои волосы, умащивать тело, прислуживать, когда я принимал мытьё в бане или в своих покоях в большой лохани. Даже тех, кто станет стирать мои рубашки и штаны я выбирал из самых прекрасных, считая, что аромат их прелестных ручек лучше, чем запах от обычных прачек.

Так что я не только не был ни ангелом, ни добрым и чистым юношей, но большой и противной занозой в задую всех. Но у меня было то, что отличало меня. То, чем я доро-

жил больше всего на свете. Больше своего царского происхождения, больше будущего, которое рисовалось исключительно счастливым и успешным. Больше всех моих богатств, настоящих и будущих, больше отца и матери, больше собственного здоровья, больше даже жизни. То есть я не думал каждое мгновение, что я готов всё это отдать, потому что никто меня не просил об этом, но сегодня, когда я пришёл в свои покои и не застал Аяю, чего не бывало никогда с того дня, как она впервые вошла в эти покои, я подумал именно об этом: я согласен всё отдать, только бы вернуть её.

Днём мы проводили время вместе, учились, например, вопреки удивлённому возражениям отца, я всегда брал Аяю с собой на уроки по истории, насчитывающей тысячи лет, изменчивой и, кажется, непредсказуемой, потому что помимо причин, исходящих от людей, их талантов или бездарности, набегов чужаков и интриг, переворачивающих троны и все царства вверх дном, действовали ещё и никому не подвластные силы природы.

Нас учили природоведению, где мы узнавали сразу и природу нашей земли, Великого моря, животных, растений, особенности ветров и самой земли, пологой и более холодной на восточном берегу и гористой здесь, на нашем, о том, что на восточном берегу, к примеру, водятся тигры с громадными клыками, похожими на мечи, а на нашем таком кошек нет. Страшно хотелось поехать и устроить ловтю на них. И Аяя поддерживала даже это моё желание, потому что за эти

годы, она стала очень ловкой охотницей, из лука стреляла даже лучше меня и ножи метала, вот только с копьями у неё отношения не ладились, маленькой рукой не слишком сподручно метать большое и тяжёлое орудие. Мы во всём были с ней вместе...

В первый раз я увидел Аюю, когда мне было тринадцать. Мы проезжали мимо мельницы, принадлежащей её отцу и среди множества ребятишек, бегавших вокруг дома и по нескольким дорогам, ведущим к мельнице, стоящей, чуть в стороне от села, но на дороге от столицы, отлично укатанной, потому что множество телег и подвод постоянно ездили туда-сюда, здешний мельник должен быть богат, сразу было видно, что у него нет отбоя от желающих помолоть зерно. Наши лошади устали, и мы отпустили их на водопой, пока и сами пили воду. Для настоящего привала уже не было времени, приближался вечер, да и до города оставалось совсем немного, один, али два уповода, поэтому мы спешили совсем ненадолго. Вот тут-то я и увидел её.

Она была младше меня, и отличалась от всех с первого взгляда, даже полувзгляда, едва я, скользнув глазами по окрестности, вдруг зацепился взглядом за неё, появившуюся в этот момент из-за угла. Она прошла и остановилась поодаль, опершись на изгородь локтями, а буквально через мгновение обернулась назад, возможно, её кто-то позвал из дома, потому что она выпрямилась и ушла. А я навсегда запомнил её. Такой красоты я не видел никогда. Она настолько

отличалась ото всех и темнотою длинных волос, коса спускалась по спине ниже талии, покачиваясь тяжело, это я разглядел, когда она повернулась спиной, и белизной кожи, будто светящейся, как светит луна, и чертами утончёнными и необычно правильными, среди своих братьев и сестёр, с белобрысыми курносыми рожцами и вихрами, и высоким ростом и очень тонким и гибким станом. Кажется, как я мог успеть всё это заметить? Но я заметил и запомнил всё.

И с того дня я всё думал, как же мне получить себе эту девочку? Хотя я был очень юн, но сны, полные сладострастной неги были постоянными спутниками моих ночей. Так что я отлично знал, для чего мне эта девочка нужна. Но если я был юн, то она ещё моложе. Окольными путями я узнал её имя, что ей десять лет, она дочка мельника, младшая дочь от первой жены своего отца, и у неё есть ещё много-много братьев и сестёр, но, главное, у неё был старший брат, который был готов даже выкрасть её из дома для меня, потому что родители даже слушать не захотели о том, чтобы позволить царевичу взять их дочь в терем на потеху.

Но их согласия и не понадобилось. Чуть больше, чем через полтора года, пока я сначала обдумывал, как бы мне подобраться к ней, потом искал пути, умер её отец, а за ним и мать во время мора, и за ними все её братья и сёстры. И с опустевшего двора её без препятствий, а вернее при полном содействии её брата Тингана, которого пришлось взять во дворец в благодарность, её привезли ко мне.

Надо сказать, я вёл себя со всеми вообще и с девушками тоже всегда очень уверенно и свободно, потому что, кроме того, что я был царевич, которому, конечно и так не было ни в чём отказа, но я обладал разнообразными и несомненными достоинствами, как то: умом, ловкостью, неизменно весёлым нравом, золотом, и к тому же я всегда был очень красив и знал об этом. Конечно, никого не любят за одну красоту, но всё же красота открывает сердца. Столько сколько мне, не позволялось, кажется, даже моему отцу. И с удовольствием.

И всё же в свои пятнадцать я был в мечтах весьма искушён, я много чего видел и слышал, и знал, что мне желанно, но даже ещё не приближался по-настоящему к исполнению этих своих желаний.

И вот девочка, о которой я мечтал два года, видел во сне, воображал наяву, эта девочка, за два года ещё похорошевшая самым чудесным образом, наконец, оказалась в моих покоях. Тогда уже у меня были покои из нескольких больших горниц, красивая почивальня с печью и громадной кроватью, на которой могли бы легко расположиться человек семь, а я спал один, иногда позволяя забираться ко мне большой лохматой собаке моей матери, которая в самые холодные ночи приходила из их покоев ко мне греться у очага и потом греть меня. Хорошо, что у собаки, по кличке Колыш, не было блох, за этим тщательно следили, не то я чесался бы как шелудивые псы на дворе.

Но о собаке и всей этой ерунде я сейчас вспомнил от вели-

чайшего смущения, внезапно овладевшего мной. Вот я достиг своей цели, эта девочка, пахнущая свежей водой и цветами роз, как розовый шиповник, обильно растущий у нас на заднем дворе, эта девочка передо мной, только руку протяни. Втайне я надеялся, что на самом деле она окажется не такой красивой, как виделась мне в моих воспоминаниях и мечтах, и тогда мне стало бы проще приблизиться и прикоснуться к ней, как мечталось...

Но я ошибся, оказалось, что она ещё красивее, куда красивее, значительно красивее, чем была в моих воспоминаниях, просто невероятно, почти нечеловечески красива и вокруг неё аки распространялся свет...

Она смущённо, немного растерянно смотрела на меня, поднявшись с лавки при моём появлении.

– Ты кто? – вдруг спросила она, удивлённо разглядывая меня.

– Как кто... – я даже растерялся. – Я – Марей-царевич, – удивляясь её удивлению и самому вопросу, сказал я. А кто ещё тут может быть?

– Ты? – она словно и не поверила. – Ты – Марей-царевич?!
А я...

Оказалось, что она думала, что царевич Марей-царевич совсем другой, когда мы проезжали два года назад через их двор, кто-то и показал ей царевича в окно, но она...

– Я подумала, что царевич – это такой, ну... щекастый в зелёном с золотом кафтане, на сапогах золотые пряжки... –

смущённо улыбаясь, проговорила она.

Я засмеялся, так вот в чём дело.

– Это Шука, купец, то есть сейчас уже купец тоже, сын Шуки Брадобрея. Бога-атые, везде золото и навешивают. У него даже на воротах дома золотые узоры. Девать некуда... – радостно сказал я.

Она прыснула, и мы засмеялись вместе. И на этом неловкое смущение между нами разом рассыпалось навсегда. Мы сели рядом на ложе, и я принялся расспрашивать её. Мне было интересно всё о ней, хотя я, кажется, всё знал, но одно дело знать со слов других людей и совсем другое – от неё самой. И оказалось, что многое, что я знал и так и не так, как я считал.

И о родителях, и о том самом Тингане, который теперь будет обретаться при дворце, потому что ему была обещана эта милость мной самим. Я не удивился, узнав, что он всегда был вздорным и завистливым бездельником, не желавшим ни учиться никакому ремеслу, ни помогать отцу.

Я рассказывал ей о себе, а она мне о себе. Я впервые старался показаться кому-то кроме отца, с самой лучшей стороны и поэтому ничего не говорил о своих проделках над другими, опасаясь, что она примет меня за опасного шутника, а то и безумца, способного обидеть и её. Но я был способен на что угодно, только не на это.

Первое, и самое сильное, чего мне хотелось сейчас, это опрокинуть её на спину и немедленно осуществить самое

большое желание, владевшее моей душой и телом последние несколько лет. Но осуществить это с ней, доверчиво сидевшей рядом со мной, смеющейся так светло и неподдельно, взять и... Что будет тогда? Если я сделаю так, останется тогда этот свет в её глазах, когда она смотрит на меня, и... станет ли она любить меня, как мне грезилось? Как я бажаю её? Я почему-то сразу осознал, что нет, что это может всё, о чём я мечтал разрушить и развеять впустую. Столько времени ждать и добиваться, чтобы всё сразу потерять?..

Поэтому я в первую ночь не позволил себе ничего такого, мы лишь отвечеряли вместе, продолжая разговаривать, рассказывая друг другу о себе, и о том, что мы будем делать дальше.

– Аяя, ты не бойся меня, – сказал я, когда прислужники пришли спросить, готовить ли купальню.

Она улыбнулась:

– Я и не думала. Ты добрый.

– Добрый? – засмеялся я.

А она, не смутившись и краснея, договорила:

– И светлый. От тебя свет в темноте.

Я качнул головой:

– Нет, это от тебя. От тебя свет даже в моей душе.

Знаете, что она сделала? Поднявшись с лавки у стола, где мы вечеряли, она подошла и обняла меня. И я вдруг понял, что меня ещё никто не обнимал...

Я обнял её тоже, почти ослепнув от волнения и чувствуя,

что поднимаюсь над каменным полом. Она такая тонкая, тёплая, гибкая в моих объятиях, никакая девчонка из тех, что я любил тискать, никогда не была такой благоухающей, такой нежной, такой желанной и любимой. Да, я полюбил её сразу и навсегда. И она полюбила меня.

Поцеловать её так, как мне желалось я смог через несколько дней, в тот момент, когда перестал беспрестанно думать о том, как бы сделать это.

Мы возвращались с ней во дворец с заднего двора, где упражнялись в езде верхом. Точнее, я учил Аяю сидеть в седле. Поначалу она робела, но чем дальше, тем смелее становилась, и я видел, что природная грация и ловкость вскоре помогут ей стать умелой наездницей.

Я так и сказал, Аяя улыбнулась, отводя выбившуюся блестящую прядь волос за ушко, где качнулась длинная подаренная мной этим утром серьга из золота и зелёных самоцветов. Вот в этот момент я, поддавшись какой-то волне, поднявшейся во мне слепящим жаром, и развернув её к себе, поцеловал в тёплый и сладкий рот. Я никого так не целовал, я никогда не хотел проникнуть к кому-то между тёплых ароматных губ внутрь своими губами и языком, словно в глубине её рта таится источник дальнейшей моей жизни...

Мы, оказывается, были на лестнице, между пролётами, сквозь окно на нас светило заходящее солнце, вызолочивая наши волосы, ресницы и кожу, просвечивая сквозь веки в закрытые от счастья глаза...

С этого дня мы целовались уже всё время, когда не разговаривали.

Если с первого взгляда я влюбился в её красоту, то со второго в то, какой умной, милой и славной она оказалась. И даже мудрой. Мне всегда представлялось, что человеку многое может проститься за красоту, которой он обладает, но, познакомившись ближе с Аяей, я вдруг открыл, что можно быть ангельски прекрасным и при этом не позволять демонам, роящимся в твоей душе побеждать светлые силы.

– Неужели ты никогда не злишься? – спросил я её однажды.

Это было после того, как через два или три месяца моя мать приказала привести Аяю к себе и...

– И что же было? – немного испугался я. Ведь я, не спрашивая ничего разрешения, взял Аяю себе. Я не спросил ни отца, ни мать, я всегда был таким, они позволили бы, но я хотел проявить своеволие, поэтому не стал спрашивать. И вот моя мать, ревнивая и строгая со всеми, кроме меня приказала привести к себе Аяю.

– Что было? – Аяя улыбнулась, опуская ресницы бесконечной какой-то длины, на них падали и не таяли снежинки, складываясь в целые сугробы, а она только сдувала их, скосив румяные губы. – Она обошла вокруг меня. Думаю, она ожидала чего-то другого. Спросила, который мне год. Спросила, что я умею. Я ответила, что умею всё: шить, вышивать любой узор, вязать, пряхсть, ткать, что могу готовить, что чи-

таю и пишу, могу вычислять в уме, что я знаю, только очень мало историю Байкала и Авгалла. Что понимаю восточное наречие, хуже, чем южное и северное... На этом она остановила меня, удивлённо глядя. И сказала: «Положим, это ты врёшь, девчонка. Всего этого не знаю даже я. Что ты умеешь в спальне, на что ты моему сыну?», вот тут уже я удивилась, а что нужно уметь в спальне?

Аяя посмотрела на меня, надеясь, наверное, что я объясню, и я залился краской так, что думал, задохнусь от жара. Я тоже не знал определённо, что такое надо уметь в спальне, но я знаю, что есть какие-то умелые женщины, способные за плату доставить мужчинам какое-то неземное удовольствие. Мы сами с ней, с Аяей не делали ничего такого. То есть мы целовались, мы всё время обнимались, касались друг друга, словно испытывая постоянную потребность в этом, но я позволял себе касаться её талии, легонько её груди, что едва приподнимали лиф платья, но ни того, о чём я думать не мог без сжигающего огня во всём теле...

– Она очень красивая, царица, твоя мать, – сказала Аяя, улыбнувшись.

Вот тут я и спросил, почему она никогда не злится. Потому что я бы непременно взорвался, если бы кто-то так говорил со мной. На это Аяя ответила невозмутимо, лишь улыбнувшись:

– Ты царевич, Марей, никто не смеет разглядывать тебя. А твоя мать царица, она может разглядывать, кого угодно и

говорить, что ей вздумается. А кто я, Марей? – глаза её блеснули, да она не злилась на мою мать, она была оскорблена.

Это вопрос взрослого человека, не ребёнка, который ничего не понимает. Тогда и я ответил серьёзно, как чувствовал и думал:

– Ты? Ты – моя невеста. Ты для меня самый важный человек во всём царстве. Бесценный человек.

Она некоторое время смотрела на меня серьёзно, потом улыбнулась:

– А ты для меня!

И мы засмеялись, потому что и, правда, вышло смешно. Мы вообще много смеялись. Просто от счастья, от юности, от радости, что мы вместе и ещё потому, что нам казалось, так будет всегда.

Глава 2. Бесценная девочка

И это счастье продолжалось безоблачным и первозданным почти год. Но потом всё стало меняться. Во-первых, у Аяи впервые пришли месячные и именно в этот день, важный и тяжёлый для неё, потому что она чувствовала себя больной и несчастной, ещё не понимая, что с ней, я, оставив её одну утром в почивальне, не придав значения её незначительной хвори, не появлялся до вечерней трапезы. А на вечерю я пришёл, опоздав, как ни в чём, ни бывало, и сказал вскользь, что она какая-то сегодня слишком бледная и мне кажется, что у неё опухло лицо. Да ещё позволил себе то, что делал часто и привычно: приобнимал и легонько лапал в шутку каких-то челядных девчонок.

Аяя незаметно ушла из-за стола, а когда я пришёл в опочивальню, то застал её плачущей.

– Ты что-то совсем расхворалась, Аяй, может, лекаря позвать? – сказал я, и сел на край нашей с ней большущей постели, где ночью замёрзнув, я находил её, чтобы прижаться плотнее и согреться и она так же искала меня. Я, снимая кушак, стягивая сапоги, обернулся на неё.

– Я здорова. Женские дела и всё... – сказала Аяя.

– Какие ещё женские дела? – спросил я, удивляясь.

Она села, опираясь на одну руку.

– Обыкновенные, как у всех женщин раз в месяц, – и лицо

у неё почему-то поморщилось от отвращения.

Я помнил о таких вещах только в самом начале, а после совсем позабыл, потому что у неё никаких месячных до сих пор не было, я и забыл, что они вообще бывают у женщин. Я хотел обнять её, ведь это важное, это значит, она теперь взрослая и я могу...

Но она оттолкнула мои руки, впервые за столько времени, что мы были вместе, не захотела моих объятий.

– Ты что? – я опешил. – Ты меня не любишь?

– А должна? – она села уже нормально, спустила ноги с края кровати, белые ажурно связанные чулочки на ней... Вытерла слёзы, но больше размазала по щекам.

– Конечно, – ответил я, удивляясь, что она спрашивает такое.

– С чего это? Потому что ты царевич? – она даже покраснела от злости. Вот когда рассердилась моя Аяя.

– Нет. Потому, что я люблю тебя, – сказал я то, в чём я был уверен, как ни в чём другом, – больше... да больше всего. Даже больше жизни. Разве ты не знаешь? – удивился я, мне казалось, что ничего более ясного нет на свете, и как Аяя может этого не знать, когда я ей всё время это говорю.

Она высморкалась в рушник, и, отняв его от лица, посмотрела на меня. Долго смотрела, будто взвешивая про себя, верить или нет, или скорее, смотрела в меня.

– Правду говоришь?

– Конечно. Разве не чувствуешь?

Я подсел ближе, протянул руку, приглаживая ей волосы, разлохмаченные и слезами, и валянием в постели. Она повернула немного лицо к моей ладони, и я коснулся её лица.

– Ты любишь меня как... сестру?

– Сестру? – я даже растерялся, как она могла подумать так? – Нет, конечно. Сестёр у меня, вона, целый этаж.

– Поцелуй меня, мне так грустно сегодня.

Я почувствовал, как мне стало жарко. И почти больно...

Я придвинулся к ней, протянул руку и коснулся кончиками пальцев её шеи, сдвинул ворот немного, потянулись золотые застёжки, слабо щёлкнув, расстегнулись. Я ещё не видел её полностью обнажённой. Мы жили одной жизнью на двоих, пора приоткрыть все завесы. И вот я потянул платье с её плеча и, поддаваясь силе, поднимающей меня над землёй, я подался вперёд... Какая ты красивая, Ая...

– Какая ты красивая... – я захватил губами её рот, а он сегодня оказался сладким и горячим, и немного солёным от слёз.

Конечно, и сегодня я не довёл дело до конца и не только и не столько потому, что в такие дни не положено входить к женщинам, но потому что теперь во мне возникло решение, которое снова отодвигало воплощение моего огромного желания.

Наутро я пришёл к отцу с серьёзным разговором. Я пришёл сказать, что нашёл жену, и иной я не желаю, пусть принимают моё решение, потому что оно неизменно.

Отец, сидевший над свитками, что принёс ему казначей, стоявший за его спиной, посмотрел на меня:

– Жениться? Всерьёз?

– Да. Ничего серьёзнее ещё я не говорил, – сказал я, хмурясь и выдвигая челюсть для пущей убедительности.

Отец вздохнул, подняв брови.

– Вот что, царевич, нынче мне недосуг, переговорим позднее. Если не передумаешь. Всерьёз.

Я и сам понимал, что застал его не в лучший момент, подсчитывать расходы казны и доходы, а тут является царевич с нешуточным объявлением.

Поэтому я повторил своё заявление уже вечером за трапезой, где сидели уже кроме нашей семьи, Аяи, ещё вельможи – ближние советники моего отца: Шука Брадобрей с сыном, что покупали и продавали всю рыбу по эту сторону Моря, Чёрный Лис с женой у которой усы были гуще, чем у него самого, но она была богата и из царской семьи, что позволяло Лису быть приближённым, а иногда и влиять на решения царя, Панур – тоже князь и царский воевода, он жену за стол приводил редко, она то ли правда всё время бывала больна, то ли постоянно беременна, Викал – наш главный книжник, учёный и мой, теперь и Аяин учитель, и ещё Сил Ветровой – первейший среди всех. Ветровой приходил всегда с женой, красавицей Алеяной и старшей дочерью Арланой, моей ровесницей. И я знал всегда, что ни одно решение мой отец не мог принять, если оно не было одобрено этими людьми,

потому что им принадлежали и земли, и торговые пути, и золото. Только Викал относился к советникам потому, что был самым образованным человеком в царстве и старался научить меня и моих безмозглых братьев хоть чему-нибудь. Две мои сестры были ещё малы для учения, а две были совсем младенцами.

И вот все эти люди, замолчав и прекратив жевать и постукивать кинжалами по блюдам из золота, повернули головы ко мне.

Царь, мой отец, услышав мои слова, посмотрел на мою мать, сидящую по правую руку. Она, как я ни обожал её, лишь кивнула, высокомерно усмехнувшись.

– Отец, могу я жениться на девушке, которая мне по сердцу? – начав горячиться, спросил я, чувствуя, не то, что меня не принимают всерьёз, будто я щенок, играющий с хвостом отца.

– Конечно, можешь, – невозмутимо ответил мой отец. – Ты всё можешь, царевич. Но... кто она? Твоя наложница. Она может быть царицей? Может наложница стать царицей?

Все молчали, я знаю, что наложница может стать царицей, я изучил все имеющиеся летописи на эту тему и помог мне верный Викал, главный царский летописец и прорицатель, историк, он и нас учил истории. Царица, моя мать, была дочерью южного царя, потому что вообще было принято, конечно, брать в жёны царевен наших соседей или из дальних стран, таких привозили иногда наши предки, поэтому кра-

сота здешнего населения была довольно разнообразна от белокурых и белоглазых, вроде меня и моей матери, до раско- сых и черноволосых.

Царица подняла голову, как всегда, заносясь над всеми, и сказала:

– Царицей может стать кто угодно, хоть коза из хлева смерда с восточных степей. И мукомолка, конечно, может. Но такую царицу может выбрать себе только царь. А пока ты царевич, будешь делать так, как надобно царю и царству.

Её тон был холоден, как всегда. И она, я видел, разо- злилась, даже побледнела. Почему? Что так разъярило мою мать? И ещё от меня не ускользнуло, что поджал губы Сил Ветровей. У него дочь на выданье, он рассчитывает сосватать её мне? Она красавица, конечно, ничего не скажу: высокая, дородная, с толстой пшеничной косой, грудями, похожими на сочные дыни с восточных берегов, но мне его Арлана не сдалась ни на что. И что, моя мать с Силом заодно в этом деле?

– Отлично, значит, принуждаете меня сесть на престол, не дожидаясь, когда Боги Небытия приберут отца в своё время? – вспыхнул я.

– Не смей! Не забывайся, щенок! – вот именно щенком и назвали...

Мать впервые так рассердилась на меня. И вообще в пер- вый раз меня кто-то обругал. Это тем более позорно, что слышали все присутствующие. Мои противные братья, по-

хожие на рыжих крысят, тут же заулыбались, довольные этой выволочкой.

Но мать окоротила их, прикрикнув:

– Чего расшиперились? Не сметь зубоскалить! Трапезничать собрались, так ешьте, иначе голодными спать отправлю!

Я взглянул на Аяю, но она уже поняла меня и без этого взгляда, и без слов, и тоже вслед за мной вышла из-за стола. Я взял её за руку, и мы направились к двери.

– Ну и выметайся! Наказан будешь! Неделю к царской трапезной зале не подходи со своей девкой! – закричала мать мне вслед.

Я взял Аяю за руку и, не оборачиваясь больше, мы вышли из зала. Я шипел и ругался по дороге, обзывая своих близких всеми самыми последними ругательствами, особенно моих братьев, которые так обрадовались этой грозовой туче, обрушившейся на мою голову. Моя бы воля, я бы передушил их всех, тошнотворные тупые поросята. Аяя сражала мою ладонь, которой я держал её руку. Я обернулся на неё:

– Ты не бойся, я тебя в обиду не дам, – сказал я, она была бледна и сосредоточенна, шла за мной, о чём-то напряжённо думая.

Она подняла голову и, улыбнувшись, сказала:

– Не болей сердцем, Марюшка, милый. Я люблю тебя.

– Так ли? И докажешь? – спросил я.

– Доказать? – она махнула ресницами немного растерянно. – Как же?

Мы были в одном из длинных коридоров, сохранившихся с самых старинных, даже древних времён. Сам наш дворец множество раз перестраивался, он был каменный, но кладка и планировка были проще и грубее, и камни мельче, чем в первых двух этажах, с каменной вечной кладкой, сложенной из гигантских кусков скал совершенной формы, коридоры в этой части дворца были идеально прямыми, покои и залы очень высокими, светлыми. Эта часть была построена много сотен, а может, и тысячи лет назад, ещё во времена, когда творили мастера, способные силой мысли перемещать громадные камни и шлифовать их, будто оплавливая как сливочное масло, не прикасаясь не то что инструментами, но даже ладонями...

Дворец был огромен, потому что каждый новый царь почему-то считал своим долгом пристраивать и пристраивать новые коридоры и покои. Но в этой части жили сейчас мы, царская семья. В третьем этаже располагались, горницы моей матери и царских детей, кроме покоев наследника. Мои покои были на втором, здесь же помещался царь. Трапезный зал, большой зал, где устраивали пиры, и горницы, где царь проводил время с советниками, были на первом этаже, стоящем на высоком фундаменте и подклети, в которой помещались кладовые, кухня, слуги и челядные, кроме тех, кто неотступно находился при царе и членах царской семьи, ночуя под дверями на сундуках и лавках. Поэтому в этих коридорах обычно вечерами было тихо, только стражники и

лампы – громадные каменные чаши наверху громадных подставок, заполненные маслом, стоящие на равных расстояниях друг от друга во всех высоких коридорах, немного чадившие, после заката заполняли ровным золотым светом здешние запутанные переходы.

Я увидел, как немного сжалась Ая после моего вопроса о доказательствах любви, словно решила, что я потребую их сей же миг.

Нет, я не хотел сейчас, я был слишком зол, даже разъярён. Но я хотел заручиться её обещанием.

– Как? Ты знаешь, как. Все женщины это знают.

– Разве я ещё не доказала тебе? – она удивлённо хлопнула ресницами.

А вот этого я не ожидал, приписав её смущение нерешительности. Искреннее простодушие её вопроса, остудило владевшую мной злость и заставило моё сердце бросить щит, которым оно прикрылось было от родительского непонимания, и тепло забиться.

– Аяй... ты правда полагала, что между мной и тобой произошло всё, что может произойти между мужчиной и женщиной?

– А разве нет? Ведь мы спим вместе, ты целуешь меня, обнимаешь, ласкаешь... Разве не поэтому ты решил просить разрешения на мне жениться?

Я засмеялся, Боги, я не видел ещё таких чистых и неискушённых людей. Многие прикидываются, многие хотят ка-

заться, но вот таких, которые знают, как складывать и даже умножать и делить трёхзначные числа в уме, что всегда изумляло меня, могут рассказать, чем отличалось царствование Улана Первого от царствования его брата Усмана Второго, и почему ветры на Севере постояннее тех, что на юге и отчего на нашем берегу теплее, чем на Востоке, такие люди, при этом, могут не знать, что на самом деле делают мужья и жёны в своих почивальнях.

– Бог Солнце! Бог Байкал! – воскликнул я, обнимая её и смеясь. – Как же я люблю тебя, ты лучше всех на свете! Всех чище и прекрасней!

Она тоже засмеялась, не очень понимая, чего это я так радуюсь.

– Идём, Аяя, идём, я расскажу тебе, что я надумал...

Действительно решение, вернее, намерение родилось прямо во время этой трапезы и разговора, но окончательно сформировалось пока мы шли этими идеально ровными древними коридорами, которые построили те, в кого уже никто из теперешних и не верит, потому что повторить их чудеса никто не способен.

Мы поднялись лестницами до наших покоев, я вошёл, прогнал всех слуг, кто растапливал печи, кто стелил постель, кто расставлял кувшины с водой, вином и мёдом на столе и начищал золотые кубки, кто... словом, всех многочисленных мелких людей, которые постоянно путаются под ногами и мешают значительно больше, чем помогают. И ещё отлич-

ным образом шпионят, я это знал лучше всех, потому что сам множество раз пользовался их услугами в этих целях и мне известна цена каждого. Поэтому я плотно притворил за ними двери, и заговорил с Аяей очень тихо и только после того, как был уверен, что ни одна живая душа нас не слышит, если только мыши... Я сел рядом с ней.

– Вот послушай: как ты разумеешь, такое количество вельмож, многие из которых едва ли не богаче и влиятельнее самого царя, не ослабляют царство и царскую власть?

Аяя смотрела на меня во все глаза и, выслушав то, что я сказал, неожиданно ответила:

– Я думаю об этом с первого дня, как очутилась в твоём дворце, Марей! – обрадованно улыбнулась она. – Едва увидела, сколько уверенных и жирных людей всё время подле твоего отца, имеют право высказываться и чуть ли не оспаривать решения царя. В открытую не перечат, до этого не дошло, но тому, что им не по душе произойти не дают.

– И у каждого целый собственный двор и даже дружина! – подхватил я. – Они и войско соберут в любой момент, егда захотят. Поэтому царь в руках у них. А их руки у него на горле! И с этим надо покончить!

– Как же, Марейка? – она изумлённо отодвинулась, хлопнув ресницами. Когда она так делает, мне кажется, поднимается ветер...

– А вот это надо обдумать, как. И ты мне должна помочь в этом, твоё спокойствие, то, как ты видишь всех насквозь,

твоя золотая голова, твоя память, знания, половина из которых из моей головы уже повыветрилась... Я ещё не знаю, как мы сделаем это. Но мы должны укоротить им руки. Мы изменим наше царство вместе. Не предашь меня? Не отступишь? Будешь со мной во всём? Не испугаешься?

– Чего же? – улыбнулась Аяя, уверенно и светло.

И я засмеялся счастливо, обнимая её. Они не дают мне жениться на моей Аяе пока я не на троне? Отлично, у меня будет свой трон. Мой, не отцовский. И посмотрим, чей окажется крепче.

– Только будь осторожна, очень осторожна, ни на минуту не забывай сегодняшней вечера. Всегда смотри насквозь и не верь никому, Аяй, здесь все лгут. Кроме отца. Мать тоже правдива, она кажется злой, но она...

– Она не злая, – перебила меня Аяя. – Она... Иногда мне кажется, она... не в своё время родилась, будто потерялась...

Я усмехнулся, это очень метко, невероятно правильно. Только не представляю, какое должно быть время, чтобы подошло моей самолюбивой и властной матери.

Но думать об этом, и обо всём, что так разъярило меня сегодня уже не хотелось. Моим новым мыслям и планам надо дать устояться, добродить, чтобы из буйной браги они превратились в крепкое вино. Теперь, после того как я выпустил весь этот злой огонь, я мог отдаться огню гораздо более яркому и сдерживаемому уже долгое время. Я потянул Аяю к себе. Она улыбнулась, ей нравилось целоваться, и потому,

что ей нравится, это доставляет мне наслаждение, которое я не могу сравнить больше ни с чем. И она, моя Аяя, становилась всё нежнее податливее день ото дня, будто медовый воск плавилась от моих прикосновений.

Ещё несколько месяцев я не решался приступить к тому, чтобы Аяя, пусть и не перед людьми, но перед Богами стала моей женой. Обманывать её мне не хотелось, она как-то должна понимать, представлять, что же будет, и желать этого, как и я.

За это время я начал сколачивать свой будущий престол. Для начала я так и не вернулся больше за царские трапезы ни через неделю, никогда, и таким манером образовался мой собственный, отдельный от отцовского двор. Отец даже призывал меня к себе и, строго глядя на меня, сказал:

– Ты что это, царевич!? Мой любимый сын? Мой наследник! Моя гордая радость! Что такое ты устраиваешь? Заговор против меня?! Противу царя! Против отца!? – он был рассержен, мне даже пришло в голову, что он обижен. Но точно я не видел его таким инде.

– Государь, твоё величье, я, может быть, строптив и даже глуп, но я не тать и не подлец, и никогда предателем не стану! – спокойно сказал я, я ожидал этого вопроса и его гнева.

– Что тогда? Зачем это отделение? – сказал он, действительно обескураженный. – Что за обида? Из-за девчонки? Из-за ничтожной девчонки?!

Этого я не мог перенести и взорвался:

– Не смей! Даже тебе, отец и повелитель Авгалла, не позволено так говорить об Аяе! – воскликнул я, готовый и за меч схватиться, чтобы защищать даже её имя.

– Ладно-ладно, взъярился... гляди-ка, герой, могул какой... Что ж, так сладка? – усмехнулся он, прищурившись.

Я не сказал ничего, оскорблённый его вопросом. Лезть своими любопытными липкими руками и завидующими глазами в нашу чистую любовь, этого я позволить не мог. Отец, посмотрев в мои глаза несколько мгновений, перестал усмехаться и сказал:

– Ладно, ступай! Но учти, царевич, злоумышление против царя – и вы станете жертвой Великому Байкалу. Ты и твоя бесценная девочка. Запомни, Марей!

И я понял, в его словах угрозы нет, он верит, что я не стану пытаться сбросить его с трона или тем более убить, каким бы поганцем я не был в глазах всех, мой отец не зря каждый день беседовал со мной и за мной наблюдал. И, пожалуй, предупреждает он не о себе и своём гневе, а об остальных...

А вот мать с того дня, как выгнала нас из-за стола, больше не проявляла своего прежнего особенного расположения ко мне. Напоказ сердилась и фыркала при виде Аяи или нас обоих. А то и высказывала колкости вроде: «Глядите, царица с мельницы идёт» или «Мука белая или серая больше по нраву царице?», «С ярицы сегодня муку смолотили?». Но я, уважая мать, не позволял себе отвечать на это, глядя на Аяю, которая невозмутимо воспринимала все эти мелкие уколы.

На охотах и во время пиров иногда, вспоминая детские дружбы, я стал перетягивать к себе парней, которые видели во мне настоящего вождя, тех, кто будет мне преданным другом, как бывают преданны псы – не считая себя равными мне. И Аяя очень помогала мне в том, потому что иногда самые хитрые, предполагая, что станут такими же всесильными, как теперешние вельможи при моём отце, пытались прилипнуть ко мне и умели подольститься так, что я уже верил, что именно этот считает меня самым умным, незаурядным, настоящим будущим царём. Но Аяя, зоркая, как никто, говорила мне, когда мы оставались наедине:

– Не приближай больше этого. Он лжец, гнилой и подлый, он предаст при первой возможности. Но и не удаляй слишком, держи в поле видимости, зная, на что он способен, будешь видеть и опасность по нему.

А о другом говорила:

– Этот и ждать не будет, он настоящий лазутчик.

– Лазутчик? – изумлялся я. – Чей? Отца?

Она качала головой:

– Нет, твоих врагов. Они уже поняли, что ты сильный, что ты настоящий могучий будущий царь и хотят уничтожить тебя. Причём, пока твой отец жив-здоров, ты ещё в относительной безопасности, но, едва он умрёт, тебя убьют, не дадут стать царём.

– И кто, по-твоему, мой главный враг? – заинтересовался я.

– Наиглавнейший – это Сил Ветровей, – сказала Аяя. – А вот Викал относится к тебе хорошо. У него теплеют глаза, когда ты говоришь, он всегда внимательно слушает, он тот, кому можно если не доверять, то испросить совета.

– Значит, по-твоему, Викал может быть другом нам?

Аяя покачала головой с сомнением.

– Другом... нет, друг – это кто-то близкий, по духу и мыслям, а Викал, он... обтекаемый, осторожный, он подождёт, кто победит, к тому в итоге и присоединиться. Это попутчик, может быть союзник даже, но не друг.

Ну что же, и это уже немало, Викал заведует книгами, всеми знаниям, он наш учитель и временами мне кажется, что он знает всё, хорошо уже, что такой кладёзь хотя бы нам не враг, как большая часть приближённых моего отца.

После всех приглядок и испытаний у меня было три вернейших друга: Рысь, сын моего конюшего, живой и сообразительный обладатель зелёных кошачьих глаз. Игол, спокойный и мудрый, как старец, который подшучивал иногда, что это потому, что он живёт уже шестнадцатую жизнь. И Батербей, с которым мы были дружны всю жизнь, и единственный, кто хотел служить даже не мне, но царству. Так я создал за год с небольшим очень прочную основу своего будущего царствования, когда бы оно ни наступило.

Глава 3. Переход

И ещё кое-что я сделал. Мы с Аяей стали мужем и женой. По всем правилам и законам, заведённым у нас вокруг Великого Моря, ибо, если вышивали и готовили зайца все по-разному, то женились, следуя одному и тому же древнейшему ритуалу. В самый длинный день в году мы пришли с ней на берег нашего Великого Байкала попросить его благословения и соединить нас навсегда. С нами были четыре свидетеля, это трое моих товарищей Игол, Рысь и Батербей и ещё старшая горничная Рина, она с любовью прислуживала мне с детства, выбирала тех самых красивых служанок, которые помогали ей, и приняла Аяю, будто и не отделяла её от меня. Я ей доверял полностью, и хотелось, чтобы здесь был кто-то из старшего поколения, чтобы это не казалось несерьёзным развлечением «детского» двора царевича, вроде моих прежних сомнительных каверз.

Обряд самый простой и в то же время полностью до мелочей соответствовал нашей тысячелетней традиции: мы разделись до рубашек, сняли обувь, распустили волосы, тщательно вымытые и расчёсанные с самого утра, надрезали ладони и, накапав руды в кубок с Байкальской кристальной водой, выпили по глотку, а остатки вылили в Море, после чего надели друг другу на грудь медальоны, слитые из серебра и золота с аверса и реверса и профилями и именами друг дру-

га, мне – её, ей – мои, и после этого, взявшись за руки, подошли к самой кромке Моря.

Сегодня полный штиль, ветра не было, улеглись все волны, то ли замерев в ожидании перемены погоды, то ли предвещающая долгий штиль и солнце, что, нечасто, но бывает в середине лета, то ли бурю. Солнце склонилось уже к скалам на западе, чтобы, скрывшись за ними, распахнуть полог ночи.

Я посмотрел на Аяю. Она улыбнулась и пожала мою ладонь своими тёплыми пальцами, а потом сняла свой венчальный венок из ромашек и горечавок и пустила его на волю волн. Моя прекрасная суженая, самая прекрасная девушка на земле, теперь ты моя жена. Мы вошли в воду, она была ледяной, обжигала, пробирала до костей, будто пропитывала, но мы должны окунуться с головой, а для этого надо войти хотя бы по пояс. Повернувшись друг к другу, мы взяли ладони друг друга, кажущиеся горячими в этих ледяных оковах Байкала, смешивая кровь из ещё сочащихся ран.

– Великий Байкал! Мы, Марей и Аяя пришли к тебе стать мужем и женой один раз и на все времена.

– ...и на все времена...

Я притянул и поцеловал её, чувствуя, что прекраснее и горячее её губ ничего не может быть в этом мире. А, может быть, и в любом другом...

А после, уже не чувствуя никакого холода, мы присели, скрывшись под водой. А вынырнув, я подхватил мою смеющуюся и фыркающую жену из воды и пошёл к берегу под

крики и улюлюкание собравшихся четверых свидетелей. И теперь наша с Аяей кожа горела, и радовались наши сердца.

Конечно, не так проходят обычно свадьбы царевичей, даже последышей, что говорить о наследниках. Обряду уделяют целый день. С утра на берегу собираются самые прекрасные девушки в розовых платьях и с розами в волосах поют самые прекрасные любовные песни под музыку дудочек, на которых играют лучшие юноши в белых, расшитых красной нитью рубашках, потому что на нашем берегу праздничные платья вышивают красной нитью. Пока они поют и водят хороводы, собирается весь город. Последними приходят царь и царица и родители невесты, которые тоже нередко царь и царица одного из Байкальских царств, великих или мелких, как придётся.

И только после приезжают жених и невеста на гнедых конях без сёдел и уздечек оба в красных рубашках босые и с распущенными волосами. Спешиваются, и после этого отец жениха окропляет молодых священной Байкальской водой и произносит слова благословения. А за ним подходит мать жениха и надевает венок из красных роз на голову молодой жены, благословляя её на счастье и любовь мужа.

Вслед за этим на молодых надевают золотые пояса, украшенные драгоценными самоцветами невиданной красоты, сапоги, тоже расшитые золотом и серебром, молодой жене убирают волосы золотыми заколками...

А после пируют и празднуют несколько недель.

Моей Аяе я тоже подарил целый ларец драгоценных украшений, одно из которых – золотую корону тонкой восточной работы с жемчужинами, просить у отца денег на подарки мне не нужно, я имел свои и давно, и тратил их теперь по собственному усмотрению. И пир, конечно, был и у нас. Весёлый, с музыкантами, танцовщицами, звонкоголосыми певцами и танцами. Я не ревнив и позволил своим неженатым ещё товарищам танцевать с моей прекрасной молодой женой. И все мы были счастливы. И все веселились и хохотали до самой глубокой ночи, пока Рина не сказала уже нам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.